

Алиса Луцкина

ЛЮБИМЫЙ
РОМАН О ЛЮБВИ

Под крылом Ангела

Алиса Лунина
Под крылом Ангела
Серия «Любимый роман о любви»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35739319
Под крылом Ангела / Алиса Лунина: Эксмо; Москва; 2018
ISBN 978-5-04-093350-1

Аннотация

Как Барбара Лесневская ждала Рождество и Новый год! Как надеялась, что Эд, ее возлюбленный, наконец сделает ей предложение! Но – увы! – ее ждало разочарование: Эд бросил ее, позорно сбежал. А тут еще в ее квартире разыгрывается странная комедия, рискующая превратиться в трагедию. Кажется, лимит счастья исчерпан. Но Ангел, парящий над снежным городом, уже придумал счастливый поворот в сюжете ее жизни...

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	27
Глава 3	47
Глава 4	66
Глава 5	84
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Алиса Лунина

Под крылом Ангела

© Лунина А., 2018

© Оформление. ООО «Издательство „Э“», 2018

Часть I

Глава 1

Женщина не в белом, или Мозги набекрень

«Напряжение нарастало... Граф понял, что сейчас произойдет нечто непоправимое. Наконец в свете луны он увидел лицо женщины в белом.

– А-а-а!.. – Ночь поглотила его душераздирающий крик».

– Ха-ха-ха!.. – нервно расхохоталась Бася. Вот ведь ерунда какая! Совсем ты опошлилась, товарищ писатель. Не стесняешься и такой сто раз пережеванной жвачки, как привидения и женщины в белом!

Жевали-жевали этот сюжет сто тысяч раз, однако он до сих пор пользуется успехом, любит у нас народ что-нибудь этакое... Надо бы еще парочку трупов впихнуть и нагнать страху побольше... А главное – продумать начало.

Как писатель, Барбара знала, что одна из главных задач – грамотно начать, чтобы сразу взять читателя в оборот, заинтриговать, задурить ему голову, не позволить отбросить книжку.

Гм... А вот возмись она рассказывать свою собственную

историю, то с чего бы начала? Рассказала о встрече с Эдуардом? Или о приезде Зои? Или о романе с Павликом? Или о ночи, когда появилось привидение в красном домино? Пустить, что ли, кота в трамвае, как делал великий мастер? Вот гениальное начало! Но Бася не мастер, а всего лишь скромный писатель средней руки, и нет в ее истории говорящего кота, и великого противостояния сил света и тьмы тоже нет. А есть пара-тройка разбитых сердец, несбывшихся женских ожиданий, немного мистики и юмора – смешно, но не весело.

Впрочем, имеется и противостояние сил света и тьмы, только происходит оно в Басиной душе. Сейчас. Именно в этот момент. Потому что их отношения с Эдом, кажется, зашли в тупик...

Ладно, к черту начало... Начнем, как получится, а там по ходу дела разберемся...

Так, что там в романе?... Ах да, женщина в белом...

Наступает самый ответственный момент. Надо бы достоверно и по возможности изящно убить героя! Бася задумалась. Какой избрать способ убийства? Как бы его убить так, чтобы наверняка, да еще чтобы в финале все срослось? Заколоть ножом, застрелить, сжечь, повесить, четвертовать, подослать коварную змею?

Ход Басиных кровожадных мыслей совершенно некстати прервал телефонный звонок.

Бася чертыхнулась – надо было отключить телефон хотя

бы на время работы.

– Алло...

Тишина. И вдруг:

– Я тебя убью, подлая тварь!

Бася поперхнулась – ничего себе заявление! – и на всякий случай поинтересовалась, кто это.

В трубке раздался уничижительный смех. Мол, так мы себя и выдали! Может, тебе еще и паспортные данные назвать, глупая курица?

– Что хохочете? – спросила Бася нарочито спокойным голосом.

Ответили без всякой логики, но с апломбом:

– Ты зато скоро плакать будешь!

Странно было, что голос не распознавался, то есть нельзя было наверняка сказать, кому он принадлежит – женщине или мужчине. Эти металлические, неживые звуки напоминали урчание игрушечного медведя. «Наверное, как-то специально искажает», – подумала Бася.

– Я тебя уничтожу! – для верности повторили в трубке.

– Кстати, а как?

Любопытно все же знать, на каком способе убийства остановился ее невидимый враг. Вдруг пригодится в работе над книгой?

– Что – «как»? – угрюмо переспросил злой металлический голос.

– Ну, каким образом убьете?

- Зарежу бритвой! – раздался торжествующий смех.
- За что? – сочла возможным спросить Бася.
- За все! – мстительно ответил голос.

Короткие гудки, видимо, оно решило, что разговор окончен.

Бросив трубку и выдернув телефонный шнур из розетки, – черта с два вы сюда позвоните! – Бася честно попыталась забыть это странное происшествие: мол, нелепость какая-то, мало ли идиотов на свете! Однако не получилось. Разговор не шел из головы, даже настроение испортилось. Любопытно было бы знать – кто ее достает? С какой радости и, как говорится, чем обязаны?

Вот она, обратная сторона славы и популярности, – у любой известной личности есть поклонники, недоброжелатели и персональные маньяки. Неужто и она наконец разжилась собственным маньяком?

Ха, стало быть, действительно стала популярной!

Неприятно, однако... Где-то же оно ходит, сопит и строит против нее козни. А ну как она выйдет завтра из дома пройтись по любимой Мойке, а оно бросится с бритвой наперевес из ближайшей подворотни!

И что Басе с того, что наутро все газеты, в особенности желтушные, будут пестреть заголовками «Известная писательница Барбара Лесневская была убита маньяком!» или «Загадочная смерть Барбары Лесневской!»?

Понятное дело, продажи ее книг на этой волне возрастут

в сотни раз, и издатели, алчные акулы, конечно, наживутся – неплохой пиар-повод. Да только Басе что с того?

Она будет лежать в гробу, молодая и прекрасная, вся в цветах...

Бася живо представила эту картину, благо богатое воображение писателя позволяло... Вот рыдающий любовник с цветами, отдельно стоящая группа безутешных друзей, за оградой многочисленные почитатели ее таланта... «Тьфу, дура, не каркай, – разозлилась Бася на саму себя. – Лучше направь энергию на работу. Роман давно надо было сдать, а ты все тянешь! К черту маньяков! Не сдашь рукопись в срок – издатель убьет наверняка. Зарежет бритвой!»

Бася вернулась к своему покинутому графу и постаралась сосредоточиться на его судьбе, однако убить беднягу не удалось и на этот раз – снова зазвонил телефон, на сей раз соловый: Басин любовник поздравил ее с Рождеством и предложил поужинать в ресторане.

– Почему в ресторане? – удивилась Бася, поскольку они еще несколько дней назад условились провести Рождественский сочельник у нее дома. Эд даже – исключительный случай – обещал остаться до утра.

Любовник промышчал что-то невнятное, мол, у него телевидение, вечером лишь пара свободных часов, а ночью он уезжает на съемки в Москву.

В общем, у него было заготовлено вполне убедительное объяснение. Бася фыркнула и всерьез подумала, не обидеть-

ся ли ей. В самом деле – в последний месяц они стали встречаться совсем редко, зато все чаще у нее появлялись подозрения, что Эд что-то недоговаривает. Вот и сейчас на ее вопрос, все ли в порядке, он бойкой скороговоркой ответил: «Да, конечно, все в полном порядке, впереди чудесный романтический вечер. Не о чем беспокоиться! Встретимся в нашем любимом ресторанчике... Целую, жду не дождусь».

Произнесено бодро, хорошо натренированным актерским голосом и, пожалуй, как-то дежурно.

Печально, но факт – в его словах и жестах стала проскальзывать фальшь. Бася попыталась сосредоточиться на работе, но через пару минут с раздражением выключила компьютер и встала из-за стола – какие, к черту, женщины в белом, когда личная жизнь не клеится!

В голове никаких мыслей, кроме одной – что все-таки происходит с Эдом?

На душе сопливо, муторно и хочется плакать... Опять же не спала полночи, думала про Эда... Опять Эд, снова Эд, она так с ума с ним сойдет!

А потом снились кошмары: любовницы Эда в ассортименте, и на закуску – его чокнутая жена! В общем, проснулась в холодном поту.

М-да, надо признать, нервишки ни к черту! Совсем ты, мать, дошла до ручки. Бурный роман и богемная жизнь не доведут тебя до добра!

Хотя, может, всему виной полнолуние? В полнолуние Ба-

ся всегда сама не своя: нервная, плаксивая, и кошмары в виде законной жены любовника мерещатся. Между прочим, давно известно, что полная луна влияет на людей, в особенности на женщин.

Ну и потом, в ее возрасте уже надо начинать заботиться о своем здоровье! Пора выписать себе самой пару рецептов: здоровый образ жизни, утренние пробежки в парке, строгая диета с исключением любимых углеводов, на ночь вместо вина или, того хлеще, коньяка – кефир, и, глядишь, здоровый сон обеспечен.

Как там говорят: «Лучшие врачи – доктора Диета, Покой и Веселье». Ага, Веселье. С этим она совершенно согласна! Бася – законченный оптимист. До идиотизма.

А что делать? Приходится в кучах дерьма, щедро подкладываемых судьбой, пытаться видеть хорошее и перерисовывать минусы в плюсы, потому что больше их взять просто неоткуда. Так что с доктором Веселье у нее давние отношения.

Что касается остального, то тоже придется взять на заметку. Впрочем, тридцать ей пока только с кокетливым маленьким хвостиком. Если для анкеты, то тридцать плюс два. Вполне подходящий возраст для того, чтобы начать заботиться о здоровье. Она и начнет, вот только накачает себя крепким кофе с коньяком – и сразу начнет!

Бася поплелась в свою роскошную кухню. Кофе она теперь варит себе сама. Раньше, случалось, ей его варили и приносили едва ли не в зубах в постель, виляя хвостом. Потом все изменилось. И что прикажете делать одиноким женщинам? Разве что последовать рецепту любимого юмориста: встать, одеться, сварить себе кофе, раздеться, лечь в постель и выпить.

В общем, вот вам рецепт от автора дамских романов Барбары Лесневской: кофе надо пить крепким, непременно под джаз и в обществе любимых кошек. Их у нее, между прочим, две: большая и роскошная Чуча, голубая, с головой, круглой, как бильярдный шар, и Буба, полосатая, обладающая меньшими достоинствами, но столь же любимая. Кошки – Басина слабость, любовь всей ее жизни. Ей просто необходимо тискать их, гладить, мурчать им что-то невразумительно-нежное и предпринимать отчаянные попытки научиться у них пресловутой кошачьей грации.

В самом деле, какая женщина, пусть даже немислимо красивая, может похвастаться такой грацией? Разве что Соня, Басина любимая подружка.

Между прочим, на Новый год Эд обещал подарить ей третью кошку. «Может, хоть это обещание выполнит», – мрачно усмехнулась Бася.

С чашкой горчайшего свежесваренного кофе (коньяк по вкусу) она подошла к окну.

Река Мойка несла свои воды, шел снег, город выглядел красивым и вполне готовым к встрече Рождества.

Кстати, сегодня двадцать четвертое декабря, Рождественский сочельник. Надо сказать, что Бася всегда отмечает католическое Рождество. Ей и положено – по бабкиной линии сплошные ляхи, да и в имени угадывается гордая польская кровь. Она ведь по паспорту Барбара. Басина матушка имела польские корни, да еще и попала под очарование прекрасной актрисы Барбары Брыльска. Ну и вот, нате вам, – Бася! Довольно странное имя для петербургской девочки, хотя ей самой оно жутко нравится.

Сложно сказать, что в Басе от гордой польской пани. Но, как бы там ни было, католическое Рождество она всегда отмечает. Все как полагается: наряженная ель, свечи, пирог, вино, апельсины и, самое главное, – ощущение праздника.

Вот и сегодня, в этот сочельник, Бася хотела устроить для них с Эдом настоящий праздник: украсила квартиру, обдумала меню праздничного ужина, а любовник, подлец этакий, все разрушил и скомкал. Съемки у него, видите ли!

Она включила телевизор, и, словно по мановению волшебной палочки, на экране возник Эд. Прямо-таки материализовался.

Ну как же – он теперь нарасхват в рекламе. Телезвезда! Герой дурацких рекламных роликов!

Экранный Эд улыбнулся одной из своих самых обольстительных улыбок – смерть домашним хозяйкам – и принялся уверять последних, а вместе с ними и Басю, что им нужен именно такой чай, который они видят на экране.

«Мне нужен ты, придурок, – усмехнулась Бася. – А ты в последнее время что-то темнишь, дорогой!» Может, пришла пора оформить отношения, как часто делают герои ее романов?

Решено! Сегодня она поговорит с Эдуардом начистоту и расставит все точки над i. В конце концов, пусть он знает, что она согласна не меньше чем на любовь!

После рекламного блока стали передавать очередную серию мыльного сериала по Басиному роману с Эдом в главной роли. Между прочим, в одной из ролей засветилась и сама автор.

Глядя на экран, Бася погрузилась в ностальгические воспоминания. Да, золотые были времена – именно на съемках этого фильма она познакомилась с Эдом.

Прошлой весной ее роман взялся экранизировать молодой, но, как говорится, подающий надежды режиссер. Собственно, это была уже третья экранизация ее произведений, и Бася отнеслась к сему факту гораздо спокойнее, чем в двух прошлых случаях, хотя, что и говорить, славы много не бывает, да и деньги за экранизацию платят хорошие. Накануне съемок они с режиссером созвонились, чтобы обсудить рабочие моменты.

– Кто будет играть прожженного героя-любовника?

– Эдуард Соколов! Наша петербургская знаменитость! То-го и гляди в Москву переедет. Конечно, слышали о нем?

Бася честно призналась, что о каком-то там без пяти минут московском Соколове ничего не знает, и прямо сказала, что ей было бы любопытно увидеть, как снимают фильм. Кстати, у нее уже тогда возникла идея самой сыграть роль подруги главной героини.

Режиссер, молодой да ранний, выказал уважение к автору и пригласил Басю на съемки.

Она приехала на «Ленфильм» вся такая красивая и разодетая, что режиссер даже удивился – наверное, ожидал увидеть неопределенного возраста клушу, а нарвался на интересную блондинку.

Тут-то Бася ему и сказала без всяких комплексов:

– Вот меня и возьмите на роль, я все-таки автор, мне, как никому другому, понятны переживания и настроения героини. А потом, эта роскошная блондинка просто выписана с меня! Разве нет? Вы приглядитесь! – Она обольстительно улыбнулась, хищно подмигнула невозможно голубым глазом и повела плечом. – Ну? Хуже ваших актрис, что ли?

Режиссер вздохнул, проямлил, что у него правило – не работать с непрофессиональными актерами, потому что нет ни времени, ни желания учить их во время съемок.

А Бася ему:

– Правила для чего созданы? Чтобы их нарушать! И по-

том, представьте, это ж какая фишка: в главной роли снимается сама автор! Народ валом пойдет!

На это режиссер ответил, что если Бася прямо сейчас удачно сыграет любовную сцену с исполнителем главной роли Эдуардом Соколовым, то он ее возьмет.

– Без проблем, – усмехнулась Бася, – где этот ваш герой-любовник?

Нет, вы не думайте, что она вот так вышла на съемочную площадку и махом продемонстрировала актерское мастерство. Дело в том, что в Басе всегда было нечто актерское.

В детстве она много занималась балетом, и с пластикой у нее все было в порядке. Кроме того, когда-то она подолгу репетировала перед зеркалом, отрабатывая приемы «подачи себя». Оттачивала женские чары, так сказать. Опля – взгляд в стиле Веры Холодной. Или вот так – трогательная нежность Одри Хепберн. Добавим страсти, ну, скажем, стервозинки Дитрих. Отлично! Готовый образ!

К тому же Басе удалось невероятное – почти полностью изжить комплексы.

Когда-то она была из смущающихся барышень: бледнела, краснела, мекала и бекала невпопад. Это ей страшно мешало реализоваться и хоть что-то получить от жизни.

А потом она прочла несколько советов из области прикладной психологии и начала выдавливать из себя робость. Например, провела не один день на Невском проспекте, выясняя у прохожих, где можно купить крокодила. В ходу был

также вопрос «Простите, а вы не братья Ивановы?», который надлежало задавать двум дамам или даме с кавалером.

После того как ее раз десять послали куда подальше, а она только захихикала в ответ, Бася сочла, что университеты окончены с красным дипломом и с комплексами покончено.

Короче, она вышла на съемочную площадку уже подготовленной.

Встала, подбоченилась... И тут появился он. Высокий, ко-сая сажень в плечах, глаза какие-то ненатурально синие и с прищуром. Да еще и элегантный, как вампир! В общем, имелось все, что положено самому отъявленному и беспощадному герою-любовнику.

Он подмигнул Басе и поцеловал ей ручку:

– Здравствуйте, я Эдуард, играю главную роль!

Ну все! Этот сыграет главную роль в ее жизни, поняла Бася. Сердце сразу застучало, и девушка поплыла. С концами!

– Готовы играть? – крикнул режиссер.

А что играть, что играть, я вас спрашиваю?

Она ж совсем искренне, томно так, на одном выдохе, произнесла фразу: «Ах! Вы нужны мне! Без вас жизнь моя не имеет ровным счетом никакого смысла!»

– Талант, что ли? – проворчал режиссер. – Самородок, видать! Это ж надо так натурально сыграть! Можно подумать, и впрямь любовь!

А оно и впрямь, представьте, – любовь! Накрыло Басю любовью, как взрывной волной. В общем, она получила роль и

Эдуарда в качестве любовника.

* * *

Уже в этот же вечер, после ужина в ресторане, они поехали к Басе и повели себя в высшей степени буржуазно (еще В.И. Ленин утверждал, что неумеренность в сексе есть буржуазность).

Красиво все было, как в Басином самом коммерческом романе. Цветов – море, шампанское – исключительно французское, секс – на грани фантастики!

В общем, Бася переживала самый ошеломительный роман в своей жизни!

Влюбилась она, что называется, без башки, на полную катушку, чего с ней прежде никогда не случалось.

Нет, конечно, у нее и прежде были романы: Бася – дама «с историями». Она даже один раз замуж сходилась, но ей не понравилось! Почему? Ну, вот если попробовать определить ее замужество одной фразой, то тут идеально подойдет высказывание классика: «Она была некоторым образом замужем». Иными словами, и замужем, и нет, понарошку, что ли. Муж попался сильно занятой, все по командировкам, а когда приезжал, то на правах третьей кошки, а скорее кота, валялся на диване. Толку от него не было никакого!

«Зачем мне это, – однажды всерьез задумалась Бася. – Наверное, не так мне и надо, чтобы этот человек лежал на моем

диване. Пусть себе лежит в каком-нибудь другом месте...»

В итоге она развелась и жила себе счастливо целых полгода. Потом, правда, стало чего-то не хватать, и завелись любовники. А с ними, как с туфлями, – одна пара жмет спереди, другая сзади, и так, чтобы идеально подходило, не бывает. В каждом что-нибудь, да не так. А случилось и совсем печальное несовпадение.

Вот, скажем, последний Басин роман, с мальчиком Павликом, кончился весьма грустно. Впрочем, про Павлика повременим рассказывать, он еще выйдет на авансцену, а пока пусть посидит, поплачет о том, что Бася его бросила.

В общем, Бася дожила до тридцати двух лет, но настоящей любви не знала – может, еще и потому, что была озабочена карьерой: стряпала себе сюжеты, один круче другого, много писала, а подумать о личном счастье было некогда.

Наверное, стоит рассказать о том, как Бася стала писателем. Ведь не стань она писателем, то не встретила бы Эда, а не встретить она Эда, не было бы всей этой безумной истории...

Ну ладно! Помучим читателя еще немного за его же собственные деньги.

Начнем с того, что ее путь в популярные писатели оказался долгим. В семнадцать лет, поддавшись на уговоры родителей, Бася, девушка из приличной семьи: папа – дипломат, мама тоже посольский работник, – поступила в некое высшее учебное заведение, где из нее обещали слепить инжене-

ра.

Покинув альма-матер, она честно отправилась работать по специальности и год таскалась на службу в скучнейшую контору, где просиживала от звонка до звонка, большую часть дня мечтая, чтобы звонок отбоя прозвучал поскорее. Ясно было, что инженера из нее ну никак не выйдет. И тут случай, который на самом деле является мощным орудием провидения, помог ей вырулить на нужную дорожку. Знакомая редакторша журнала предложила ей написать статью. Бася написала одну, потом другую – и пошло-поехало!

Дальше – больше. Бася замахнулась на повесть. Сделала она это, что называется, из спортивного интереса, а ее взяли да и напечатали в одном крупном издательстве.

Бася до сих пор не может забыть, как прибежала в Дом книги на Невском и долго смотрела на свою книгу в бесстыже красной обложке. Незабываемые ощущения – неужели мое, неужели я?!

На следующий день снова пришла в магазин, подошла к заветной полочке, наткнулась на даму, листавшую ее книжку, и искренне растерялась. Ей было совершенно непонятно, что делать. Ну не сообщать же даме: «А знаете, это я написала!»

Та бы подумала, что Бася того... ку-ку. Сумасшедшая, не иначе. В общем, она еще долго привыкала к своей новой роли.

Волнение, смущение и что-то еще неясное ухало в груди,

и было страшно любопытно знать, что думают, чувствуют люди, читая ее романы. Нравится ли им книга или они возмущаются: «Надо же, какая ерунда! Зря отвалили сто пятьдесят рублей! Лучше бы купили новые колготки или тортик». Бася надеялась, что, может, хоть одной женщине ее книга понравится, хоть в одной она что-то всколыхнет, заставит всплакнуть, посмеяться, вызовет какие-то эмоции. Хотелось писать лучше, преодолевая себя, поднимая планку... В общем, это были беспокойные времена поиска себя и своего стиля.

Давно это было. Ныне все спокойно. У нее теперь иной взгляд на творчество и собственную популярность. Ну да, продаются ее книжки и даже на несколько языков переведены. Ну сняли по ним три фильма и вроде собираются снимать четвертый. Ну пишут про нее порой в желтых газетах. Так и что с того?

Думаете, проблем стало меньше? Ничего подобного! Приходится много работать, выдумывать сюжеты, стараться уложиться в жесткие сроки, а это такая нервотрепка!

Писатели, они же все на голову больные – нервные, раздражительные. Слишком много энергии уходит в книжки, на личную жизнь совсем ничего не остается.

К тому же весьма долго она вообще сознательно отсекала все личное, сосредоточившись исключительно на работе, следуя рецепту успеха от известной актрисы.

Мегазвезда рассказала о своем первом в жизни кастин-

ге. Она, тогда юная, никому не известная старлетка, отстояв большую очередь из претендентов на роль и получив вердикт «Спасибо, вы нам не подходите», вместо того чтобы уйти, снова встала в конец этой очереди. И вставала до тех пор, пока ее не взяли!

На Басю эта история произвела большое впечатление. Стало понятно, что добиться чего-то можно только так – не отступая, а буквально преследуя свою цель.

И все эти годы она постоянно вставала в конец очереди. Ее отфутболивали, а она снова вставала. Прочная оказалась. Верила, что однажды и ей повезет оказаться в нужном месте в нужное время. Но с неба, понятное дело, ничего просто так не падает, и она много работала...

Вскоре ее книги стали расходиться как горячие пирожки, а Бася работала, как на конвейере: пока в тонусе – надо писать.

Возможно, поэтому она и в любовники выбирала мужчин, от которых нельзя потерять голову и можно держать эмоции под контролем. До поры до времени у нее это получалось, пока не появился Эдуард.

Тут-то ей и стало не до женщин в белом! Такие страсти, что ничего не соображаешь и мозги набекрень!

Ей казалось, что внутри нее провода, по которым бежит ток. Эдуард с этим соглашался: «С тобой, дорогая, как под напряжением: того и гляди, шарахнет даже не 220, а все 440 вольт, и никаких шансов на спасение!»

Да, совсем барышня потеряла голову!

Соглашаясь с невероятно красивой метафорой Блейка, утверждавшего, что страсти – это тигры, Бася представляла свою историю с Эдом так: все ее тигры вырвались на волю и готовы ее, бедную, сожрать.

Причем с самого начала было ясно, что Эдуард – тот еще фрукт! Об этом ее сразу предупредили и костюмерши, и прочие доброжелатели: «Да что вы, Бася, разве не знаете? Эдик у нас известный ловелас!»

За ним тянулся шлейф романов, и Бася догадывалась, что в его донжуанском списке она не на первой странице.

Но ведь можно стать последней в череде близких любовниц, не так ли? На это она и надеялась. Надо сказать, что с ее появлением Эд на самом деле остепенился и не замечал никого вокруг, кроме нее. Безутешные поклонницы скрипели зубами от злости!

А тут еще прошла премьера сериала, в котором он сыграл одну из главных ролей, и его настигла просто бешеная популярность.

Поклонницы сходили с ума пачками и готовы были отдаться тут же, не сходя с места, мерзавки этикие...

В общем, ей все время приходилось быть начеку, следить, чтобы нереально синие глаза возлюбленного смотрели только в ее сторону.

Правда, имелось объективное обстоятельство, с которым Басе все же приходилось мириться. Обстоятельство звалось

Марианной и являлось женой Эда. Да, увы, герой был давно и безнадежно женат.

Эту самую Марианну Бася никогда не видела, но неоднократно слышала от киношных барышень, что про нее ходят странные слухи – дескать, своеобразная дама, эксцентричная, гм...хм... не сказать больше... Да нет, не чокнутая, ну, чудаковатая, ага...

Присутствие чудаковатой и эксцентричной Марианны в жизни возлюбленного Басю, конечно, огорчало. Ей бы очень хотелось переписать эту страницу жизни его романа, вычеркнуть оттуда жену за ненадобностью. Но жизнь не книга, исправить ничего нельзя, Басе приходилось мириться и делить Эда с какой-то там чужой женщиной.

До поры до времени законная супруга вела себя прилично и весьма кстати уехала куда-то на курорт на пару месяцев, что позволило Басе с Эдом провести это время, полностью растворившись друг в друге.

Любовники не разлучались: Бася сопровождала Эда на съемки и спектакли, можно сказать, своим телом выставив заслон всем этим бесстыжим бабам, которые так мечтали заполучить его.

После вечернего спектакля – а Эд в ту пору играл почти каждый день – Бася ждала его у служебного входа театра, замирая и волнуясь, сама не веря своему счастью. Наконец появлялся Эд, садился в ее машину, и они ехали к ней.

И любили, любили...

Конечно, у них было некое несходство характеров. Кроме того, Эд порой, что скрывать, выглядел в ее глазах э... недостаточным интеллектуалом, но она была настолько погружена в счастье, что эти нюансы представлялись ей чем-то совершенно второстепенным. Ничего удивительного – отношения мужчины и женщины вообще загадочная штука, а когда безумно влюблен, не станешь вдаваться в тонкости и всякие там сложности взаимопонимания и прочие заковыки! Тебе хорошо с человеком – и все. Разве этого мало?

Лето показалось бесконечным и сказочным: три волшебные недели с любовником в Греции, потом Венеция. Чистая классика жанра – венецианские каналы, гондольеры и ночи любви!

Было ощущение, что еще немного – и она умрет от невозможности выдержать такое напряжение и счастье.

Однако выдержала и даже благополучно вернулась в Петербург. Теперь, впрочем, думает: «Ах, зачем я не умерла в Венеции от любви и счастья!»

В октябре отдыхали на Мальдивах. Именно так себе Бася представляла рай: море, солнце и Эдуард! Потом, правда, последовало изгнание из рая – промозглый Петербург, и Эдуард дозированно – три раза в неделю, потому что по возвращении в город он перешел в собственность законной су-

пруги, вернувшейся с курорта.

В ноябре на выходные летали в Париж, и Бася снова получила свой кусочек счастья. А в декабре... Какие-то тучки стали набегать на их безоблачный прежде небосвод. Эдуард явно чем-то тяготился, и это омрачало их отношения.

Она терялась в догадках, пытаясь понять, что же с ним происходит. Он как будто боялся, что Бася оттяпает слишком большой кусок его неприкосновенного личного пространства – принесет свои вещи, кинет тапки, расставит вазы и чашки и поселится навсегда.

Басе подобные игры и недомолвки были неприятны, ей, как любой женщине, хотелось искренности. Отчужденность и холодность возлюбленного оскорбляли в ней женщину и омрачали счастье. К тому же бедную Басю кольцами обвили ядовитые змеи догадок и сомнений, вполне способные убить наповал: а может, у него появилась другая женщина, а может, его чокнутая жена поставила ультиматум, и Эд колеблется, не зная, кого выбрать, а может, он попросту разлюбил ее.

В общем, кажется, сегодня она дошла до критической точки, потому и решилась на серьезный разговор с Эдом.

«Вот в ресторане и поговорим, а потом пусть едет на свои съемки!» – усмехнулась Бася.

Глава 2

Загнанных лошадей пристреливают

Собираясь на встречу с любовником, Бася тщательно продумала вечерний наряд – все-таки предстоял серьезный разговор, и ей хотелось явиться во всем блеске, сразить Эда на повал!

Она перемерила пять платьев, пока наконец не остановилась на классическом черном, купленном в Париже.

Взглянув в зеркало, она осталась довольна – эффектная, холеная барышня, и, что немаловажно, больше двадцати пяти не дашь. Спасибо природе, маме с папой, ну и себе самой. Бася, кстати, абсолютно согласна с мнением, что если к тридцати годам женщина не стала красавицей, значит, она полная дура.

Все-таки настоящая дама в таком возрасте уже должна уметь себя подать нужным образом.

Конечно, кому-то это и не требуется – имеются в виду девушки с внешностью олимпийских богинь, – но таких единицы, и непонятно, где их выводят. Большинству же, то бишь нормальным женщинам, надо заботиться о том, чтобы там подкрасить, тут подтянуть, тут замазать и в итоге сойти за красавицу. Умным – удастся.

Что касается Баси, будем объективны: отличные внешние данные! Глаза, большие и выразительные, кстати, с чертов-

ней, что особенно нравится мужчинам, и фигура в целом заманчивая, с формами, даже тюнинг не требуется!

Можно было бы, казалось, и примкнуть к тем самым небожительницам модельной внешности, однако где-то программа дала сбой в виде отдельных недостатков. Например, нос можно было бы вылепить поизящнее и ноги подобрать подлиннее, а еще рост подкачал – метр сто шестьдесят по нынешним меркам очень уж маловато. Она бы к какому угодно Гудвину отправилась попросить прибавить росту, но...

Нет, конечно, Бася себя уговаривает, что мал золотник да дорог. Вон, Мадонна, например, такого же роста, однако это ничуть не помешало ей стать Мадонной! И тем не менее ей приходится считаться с этим обстоятельством. Собственная миниатюрность заставляет Басю: а) мчаться по жизни на высоких каблуках; б) следить за весом, потому что при таком росте даже пара лишних килограммов способны испортить впечатление; в) одеваться сложносочиненно и изысканно, дорого и с шиком.

Возможно, будь она такой тощей дылдой, как ее подруга Соня, которая как раз из той самой породы моделей, ей бы не пришлось сильно заморачиваться насчет одежды: надел джинсы и майку – и уже хорошо, красоту ничем не испортишь! А лучше вообще ничего не надевать. Но Басе, с ее сложной фигурой, приходится тщательно продумывать образ и подбирать одежду. Чуть ошибешься, и всё, скажут: «А Лесневская-то – так себе... Не комильфо, обычная, в общем,

баба!»

Кстати, раньше Бася боялась: вдруг кто-нибудь поймет, что на самом деле она некрасива. А потом стала из себя этот плебейский страх и неуверенность выдавливать по капле. Удивительно, но стало получаться. Появились свобода и нормальный, здоровый пофигизм.

И все-таки миф о собственной красоте Бася старается поддерживать, питать, что ли... Кроме того, она любит при случае напустить тумана, войдя в образ загадочной роковой героини, тем более что по загадочным и роковым она мастер (сколько их вышло из-под ее пера!).

Вхождению в образ в значительной степени способствовало превращение в блондинку. На самом деле Бася в своей жизни достаточно поэкспериментировала с цветом волос – красилась то в светлый, то в темный. У нее были разные периоды, прямо как у Пикассо. Сейчас, например, белый (выкрасилась в блондинку), но в душе черный, из-за проблем на личном фронте. Тем не менее чисто внешне это никак не проявляется. Выглядит Бася о-го-го, вполне можно и дальше в фильмах сниматься!

Итак, держим равнение на гламур и изо всех сил стремимся стать образцом воплощенной красоты и сексапильности, а для этого изысканно одеваемся, тратим приличные деньги на шмотки и стилиста.

В смысле трат она вообще безнадежна – проматывает все, что заработала. Гонорары за книги вроде приличные, а спус-

каются все подчистую.

Одежда, путешествия, недавно купленная новая машина – все-таки надо марку держать, про нее, вон, в светской хронике пишут, и люди на улицах узнают! У публичного человека и расходы другие. Постоянно надо что-нибудь себе подкрашивать, заворачивать себя во что-то красивое. Стилисты, салоны – а как иначе?

Вот и выходит, что не умеет она бюджет как-то там планировать, откладывая копейку на черный день, дебет с кредитом сводить – у нее эти дебил с кретином никогда не сходятся.

Бывший Басин муж, за которым она была «некоторым образом замужем», между прочим, любил повторять, что ей сколько ни дай, все мало будет. В ответ на это она мрачно спрашивала: «А ты пробовал?»

Теперь, слава богу, сама зарабатывает и сама за себя отвечает, хотя честно признает, что по средствам жить не умеет, увы-увы.

В общем, как говорится, денег едва хватало на безбедную жизнь.

Ну да что поделаешь, с деньгами всегда так: они либо уже кончились, либо еще не начинались.

«Ладно, вся страна так живет, чего жаловаться!» – лукаво улыбнулась Бася и отправилась ужинать в один из лучших ресторанов города.

На столике горели свечи, за окном отражалась Нева.

Барбара любила этот ресторан, они с Эдом часто проводили здесь вечера.

Подняв бокал, ее возлюбленный произнес со значением:

– За тебя, дорогая!

Бася сдержанно улыбнулась и пригубила вино.

Выяснять отношения прямо сейчас было как-то неловко, и она решила повременить с разговором.

Эд пригласил ее на танец.

Медленная красивая музыка, любимый мужчина и почти болезненное ощущение счастья, от которого ей захотелось плакать.

– Что с тобой, дорогая?

Она не знала, что ему ответить – в самом деле, что с ней?

Вернувшись за стол, Эд предложил сделать заказ и, виновато улыбаясь, пояснил:

– Извини, у меня не так много времени, к полуночи надо успеть на московский поезд!

Романтический настрой у Баси как рукой сняло, и она фыркнула:

– Ах, вот как? Может, мне стоит засечь время? Еще скажи, как советская проводница в поезде: «Спите быстрее – мне подушки нужны!» Любимая, поспеши с ужином, у меня

мало времени!

Он смутился:

– Дорогая, ну ты же знаешь, обстоятельства порой выше нас!

– Не слишком ли много этих самых обстоятельств? В последнее время они прут из всех щелей, как тараканы! – распекаясь, проговорила Бася.

Он промолчал.

– Эд, почему мы теперь так редко встречаемся? – продолжила она.

– Ты же знаешь, я много работаю!

– Да, знаю, но неужели хотя бы сегодня ты не мог отменить съемки? Ведь ты обещал, что Рождество мы встретим вместе!

– Ну как я могу отменить съемки? – с изрядной долей раздражения отозвался Эд. – Ты не представляешь, что говоришь! Я так давно ждал масштабного фильма и вдруг начну диктовать режиссеру условия! Это невозможно!

– Роли, популярность, поклонницы! У тебя насыщенная жизнь, дорогой! Скажи, а для меня в ней есть место? – Басе было неловко и даже немного стыдно, она понимала, что ведет себя неправильно, наперекор всем законам психологии. Сколько раз в своих романах она высмеивала женщин, которые слишком давили на мужчин, унижаясь до требований и упреков. И вот теперь она сама выступает в этой нелепой и жалкой роли. Неужели ей придется вымалывать его любовь?

Она почувствовала сильное раздражение на себя. Надо как-то собраться и вести разговор иначе. Однако легко сказать! Попробуй оставаться бесстрастной и гордой, когда внутри все кипит.

– Когда ты вернешься? Надеюсь, Новый год мы будем встречать вместе?

Услышав ее вопрос, Эд помрачнел:

– Дорогая... Тридцать первого я, безусловно, заеду поздравить тебя, но потом... Ты же понимаешь...

– Ну, конечно! Новый год – семейный праздник! – вспыхнула Бася. – Поспешешь домой к женошке?

– Я никогда не скрывал, что женат!

– Да, но это обстоятельство ты прежде не очень-то принимал в расчет!

– Прошу тебя, не надо! – довольно решительно попросил Эд. – Не надо устраивать сцен!

Ах, вот даже как: «Не надо устраивать сцен!» Да к черту психологию и тонкий расчет. Вот сейчас самое время спросить его прямо: «Что происходит?!»

– Эд, ты любишь меня?

В ответ он пробормотал что-то невнятное – мол, при чем здесь это.

Бася горько усмехнулась – его жалкий лепет мало соотносился с любовным признанием. С уст рвался второй вопрос, логически вытекающий из первого, однако как раз его задавать было нельзя. Ну нельзя женщине спрашивать мужчину

об этом. Но все-таки... Бася почувствовала, будто летит с горы. В груди болело, и эта боль не оставляла места расчету и рассудку.

– Ты разлюбил меня?

Выражение лица Эда стало совсем постным, и он устало выдохнул:

– Конечно нет, дорогая! Странно, что подобные мысли вообще приходят тебе в голову!

Бася едва справилась с гомерическим смехом – что это с ним? Вроде неплохой актер, мог бы сыграть и получше. Если бы он так объяснялся в любви на съемочной площадке, режиссер явно сказал бы «не верю» и поставил ему «незачет». Вяло и неубедительно! Нет намека не то что на страсть, но даже на уважение! Но ведь было же когда-то по-другому! Бася вспомнила Венецию и едва не задохнулась от боли – какой страстью горели глаза Эда в то время, какие слова он тогда говорил...

«Разлюбил», – прозвучало, как приговор.

– Что происходит, Эд?

– Видишь ли, все это очень сложно...

Его красивое лицо, растиражированное в десятках журналов, затуманилось.

Бася почувствовала, что сейчас он скажет нечто, и ей станет еще больнее. Она внутренне сжалась.

– Ты очень дорога мне, Барбара!

Фраза была произнесена со значением, и после нее после-

довала пауза. «Черт побери, – ругнулась Бася. – Все-таки сколько в нем театральщины и как это фальшиво, право!»

Эд выдержал паузу – Станиславский был бы доволен – и продолжил:

– Я боюсь обидеть тебя, но, пожалуй, должен кое-что объяснить... Видишь ли, я привык быть один, ценю свою внутреннюю свободу, и мне сложно переделать себя!

«Что? – Она внутренне возмутилась. – И это говорит Эдвард, про которого болтают, будто он не пропустил ни одной юбки!»

– А как же твоя жена? – мстительно вставила Бася.

– Жена здесь совершенно ни при чем! Мы давно существуем отдельно друг от друга! И потом, мой образ жизни, моя занятость не позволяют мне связать свою жизнь с кем-то э... – он растерялся, подыскивая слова, – ...серьезно. Понимаешь?

Почему-то больше всего ее оскорбило это блеяние «э...».

– Встретив тебя, я подумал, что у нас все может получиться, но не учел многих вещей...

Бася растерялась и даже не знала, что сказать.

– Прости, я потерял голову, но жизнь есть жизнь...

Какие невыразимые банальности и штампы он произносит, ужаснулась Бася. Как все это мелко и пошло... И неужели в этой дешевой водевильной сцене она играет главную роль?

С нотой подлинного трагизма Эд произнес:

– Я ничего не могу тебе дать. Наверное, я не достоин тебя!

Бася растерянно промолвила:

– Эдуард, я ничего не понимаю...

Он молчал, глядя куда-то в сторону. Ей вдруг показалось, что земля уходит из-под ног.

Подошел официант, важный, как пингвин, и спросил, чего господа изволят.

– Яду, – мрачно ответила Бася.

– Что, простите? – вылутился пингвин.

– Яду! Чтобы отравиться наверняка и сразу!

– Ах, дорогая, прошу тебя, давай без истерик, – сморщился Эд и подал официанту знак удалиться.

– Ты отказываешься от меня?

Он молчал.

Надо же, как больно! Она и не думала, что может быть так больно... Столько писала о любви, а об этой боли ничего не знала... Да, хорошая школа! Писатель должен страдать, только тогда он сможет написать нечто значительное. Давай, Эд, помучь меня еще...

– Что ты молчишь? – сказала она и почувствовала, что вот-вот брызнут предательские слезы, но усилием воли заставила себя сдержаться: – Со мной не надо играть, милый! Мы не на сцене и не на съемочной площадке! Ты увлекся и никак не выйдешь из образа. Меня не интересует журнально-экранный напояженный Эдуард! Где ты настоящий?!

Последнюю фразу она выкрикнула так, что на них стали

оглядываться люди за соседними столиками.

Эдуард сконфузился:

– Прошу тебя!

– Да к черту все! – крикнула Бася не менее громко. – Давай будем живыми людьми! С чувствами и эмоциями!

– Ну, – мрачно отозвался Эдуард. – И при чем здесь это?

– При том! Я хочу прежде всего искренности! Или ты перестанешь играть и отдашься своим чувствам целиком, или нам придется расстаться. Конечно, я понимаю тебя – не так-то легко изменить жизнь в нашем возрасте, но я не согласна на меньшее, чем любовь.

– Зачем же так ставить вопрос? Какой-то, извини, юношеский максимализм.

– А как ты хотел? Что я буду ждать, когда ты вспомнишь обо мне и, может быть, уделишь минутку своего звездного внимания? Нет, Эд, так не будет! Или все, или ничего – и точка!

Он вспыхнул:

– Вот оно, твое любимое выражение: «И точка!» Как часто ты его произносишь! Тебе надо, чтобы всегда было по-твоему! Но неужели нельзя хоть на минуту представить, что может быть не точка, а, скажем, многоточие, тире или вообще...

– Междометие! – закончила фразу Бася и смачно ругнулась. – Примерно такое.

Эд ошалело посмотрел на нее:

– Ну, знаешь, не ожидал от тебя!

– А я и так могу, представь себе! – отрезала Бася.

Эд укоризненно покачал головой и строго заметил:

– Ты ставишь мне в вину мою занятость и стремление сделать карьеру, но разве ты сама не свихнулась на своих книгах и популярности?

– Неправда! – слабо запротестовала Бася. – Личная жизнь для меня на первом месте!

– Ты действительно в это веришь? – ухмыльнулся Эд, и его ухмылка оскорбила ее до глубины души.

– Да если хочешь знать, с тех пор как мы встретились, я не написала ничего приличного, потому что была переполнена любовью и у меня не оставалось сил на работу! – с горечью воскликнула Бася.

– Очень плохо, – пожал плечами Эд. – Извини, но я не могу позволить себе настолько раствориться в чувствах, чтобы забыть обо всем остальном! И потом, Барбара, жизнь – это не дамский роман!

Бася поперхнулась: какого черта он себе позволяет?!

– Кроме того, проблема в том, что ты сама не знаешь, чего хочешь! – продолжал Эд. – Я уж не говорю о том, что тебя вообще никогда не интересовало, чего хочу я!

«Потрясающая способность перевернуть все с ног на голову и обвинить в происходящем другого! – усмехнулась Бася. – Мало того что он меня бросает, даже не стараясь обставить это хоть как-то изящно, так еще и утверждает, что во

всем виновата я сама! Нападение – лучшее средство защиты, так, что ли?»

– Эд, если у нас много претензий друг к другу, не значит ли это, что нам лучше расстаться? – Она задала вопрос спокойно, хотя в конце фразы голос сорвался.

– Ну что ж, – сдержанно кивнул Эдуард. – Возможно, так будет лучше для нас обоих.

Бася заставила себя улыбнуться. Его прицельная стрельба достигла цели, и она, можно сказать, оказалась убита наповал.

Как больно и трудно дышать... Почему-то вспомнился фильм «Загнанных лошадей пристреливают, не правда ли?». Она – хрипящая, загнанная лошадь. Больно...

Еще никогда ее не бросали, сама она расставалась с мужчинами легко и безболезненно, иногда чувствуя признательность и благодарность, но чаще ничего не ощущая, кроме равнодушия.

А ведь были случаи, когда мужчины валялись у нее в ногах, умоляя остаться. Она вспомнила сцену разрыва с Павликом, его бледное лицо, мольбы и угрозы, ярость и слезы, собственную неловкость и неприятное чувство вины: «Ах, бедный мальчик! Мне жаль тебя, но... Нельзя заставить любить. Прости, я не смогу...» И вот теперь она на собственной шкуре узнала, каково это – быть отвергнутой.

А может, эта боль – плата за счастье? Вот было огромное невероятное счастье, которое не дается просто так, и те-

перь она должна заплатить за него болью? Или это возмездие, плата за то... За что, черт побери?! Ну, хотя бы за то, что она так обошлась с Павликом.

Ладно, у нее еще будет время подумать и разобраться со всеми «за что» и «почему». Пока надо где-то взять силы, чтобы встать, гордо пройти по залу, дойти до машины и уехать к чертовой матери.

Бася вспомнила сцену из фильма про загнанных лошадей: один из участников танцевального марафона падал, потеряв силы, рефери склонялся над ним и начинал считать. Самое главное было успеть встать, пока не сосчитали до десяти.

Один, два, три, четыре... Ну, давай, ты должна!

Пять, шесть.

Она встала.

– Куда ты? – вскинулся Эд.

Семь. Восемь.

Вышла из зала. Не забываем идти с высоко поднятой головой.

Десять. Уже в машине. Завела мотор – и понеслась вдаль!

Сложно, конечно, в одной главе оформить всю драматургию их отношений, передать нюансы, выписать обертону... Получается довольно сухо, что-то в стиле Шелли: «Они встретились. Они расстались. Чего же более?»

Ну вот так...

Бася остановила машину на набережной у Академии художеств и только тогда дала выход эмоциям. Она рыдала с чувством и надрывом, по-бабьи – в голос! Перед глазами, как в калейдоскопе, мелькали картинки прошлой жизни – их с Эдом свидания, путешествия...

Кончено, надо разбить этот чертов калейдоскоп, постараться стереть из памяти, но... Как это возможно?

И вновь вздох и навзрыд, с соплями и причитаниями...

Подумать только – в первый раз она полюбила, захотела прожить с этим мужчиной всю жизнь, а он бросил ее! Да как он смел так с ней поступить!

Отчаяние сменялось гневом, потом вновь накатывала тоска...

Раздался звонок сотового. Меньше всего Бася сейчас хотела с кем-нибудь разговаривать, однако на вызов ответила:

– Алло!

– Тварь! – вместо приветствия проговорил голос в трубке. – Ты подлая, бесстыжая тварь!

Опять оно, с металлическим, искусственным голосом.

– Да что вам от меня надо? – крикнула Бася.

– Я тебя убью! – сразу с места в карьер заявила трубка.

– Это становится предсказуемым! Придумали бы что-нибудь новенькое!

– Все равно убью! – пообещали ей с еще большим апломбом.

– Знаете, а я была бы вам благодарна! – Бася не смогла сдержать нервный смех.

На том конце провода замолчали, видимо, обдумывая ее неожиданное заявление, потом собрались с ответом и сообщили:

– Ты за все заплатишь!

– Вы больны! – крикнула Бася и нажала отбой.

Накатила новая волна рыданий, просто девятый вал какой-то. Почему мир так жесток и несправедлив к ней? Прорыдавшись, Бася вышла из машины.

Броситься, что ли, в Неву? Утопиться? Не выйдет – придется сначала лед продолбить. И неприятно – там холод такой... Да и вообще не выход. Глупо как-то кончать с собой. Это же чистая классика жанра! Бася вспомнила, как Павлик заявил, что покончит с собой, а она расхохоталась:

«Но это глупо, детка!» Теперь вот сама до чего дошла – на полном серьезе собиралась долбить лед головой! Нет, это не вариант. Но если подумать – что такое страшное и непоправимое произошло? Эд ее бросил, подумаешь!

Бросил!

– А-а-а, – опять заголосила на луну Бася.

Господи, откуда в ней столько слез, выревела уже, кажется, годовой запас!

Она вернулась в машину за сигаретами, закурила... Вроде

успокоилась.

Надо как-то жить дальше, найти в себе силы... Но как? Сосредоточиться на работе, писать, писать... Переплавить страдание в творчество... Ее ждут новые книги, успех и читатели... Но зачем ей все это, если в ее жизни не будет Эда!

Мобильный телефон просигналил, что пришло эсэмэс с анонимного номера. Три слова: «Лесневская – чертова сука!»

Ясно, опять оно, маньякам неймется! Кому она так насолила? И ведь не успокаивается, мерзость этакая!

Телефон опять зазвонил. Увидев высветившийся номер подруги, Бася с неохотой ответила и услышала сдавленные рыдания и вопли Сони – Бася смогла разобрать только свое имя.

– Если будешь орать – я ничего не пойму! – проговорила она.

В ответ опять нечленораздельные вопли.

– Хорош орать! – крикнула Бася, теряя терпение.

Молчание. Видимо, Соня собирала всю волю в кулак и наконец выдавила:

– Меня хотят убить!

– Подумаешь! Меня тоже, – мрачно усмехнулась Бася.

– Но меня правда хотят убить!

– Ну и кто? – без особого энтузиазма поинтересовалась Бася.

– Чувалов!

– Тоже мне, новость! Я тебя предупреждала, нечего было связываться с бандюганом! Чем ты думала, заводя себе любовника-уголовника?

– Это была ошибка! Роковая ошибка! Вчера я сказала ему, что между нами все кончено, а он пришел в дикую ярость! Сказал, что убьет меня! Я боюсь идти домой! Там наверняка его громили уже устроили засаду!

– Да ладно, расслабься, все будет нормально, он просто тебя пугает!

– Ты не понимаешь! – проорала Соня, срываясь на визг. – Это не просто угрозы! Говорю тебе, он способен на все!

– А я-то здесь при чем? – устало выдохнула Бася. – У меня вон своих проблем полно!

– Ты черствая и бездушная!

– Может быть. А может, просто надоело. На моей памяти вы ругались уже раз пять, а потом снова сходились!

– На этот раз все по-другому!

– Ну а от меня-то ты чего хочешь? – Бася почувствовала, что теряет терпение.

– Можно я пока поживу у тебя?

– Давай валяй!

– Я приеду к тебе завтра!

Ну вот, только этих проблем ей не хватало! Еще и Соня со своим придурочным любовником! Не слишком ли много для одного вечера? А Эд, наверное, уже поехал на вокзал.

Садится в свой СВ, а она тут захлебывается соплями!

Бася почувствовала невозможную злость и раздражение. В этот момент снова раздался звонок.

Не сдерживая эмоций, она проорала в трубку:

– Ну что надо?

– Привет! – раздался голос любовника Сони Чувалова.

– Чего тебе?

– Где Сонька?

– Откуда мне знать? – фыркнула Бася.

– Между прочим, она твоя подруга!

– Слушай, Семен, я не отвечаю за нее, и где она, мне неизвестно! Но вообще хотела бы предупредить тебя, так, на всякий случай, оставь ее в покое!

– Не нарывайся! А не то я тебе такие проблемы устрою! – пообещал Чувалов. – Не обрадуешься!

– Хамло блатное!

– Будешь дерзить – ноги переломаяю! – добродушно сообщил Чувалов.

– Да пошел ты! – Барбара нажала «отбой».

Еще одна сигарета по случаю того, что мир сошел с ума: любовник бросил, какая-то тварь грозит ее убить, а подруга связалась с бандюганом.

И за что ей все это? В то время как нормальные люди готовятся к встрече Нового года, веселятся и радуются, ее бросает любовник, а со всех сторон доносятся обещания перерезать ей горло или переломать ноги (а вы что предпочита-

ете?).

Бася спустилась к реке. От Невы дул ледяной ветер. Распластанные во времени сфинксы застыли в вечности.

Она долго, до головокружения, всматривалась в их равнодушные лица. Та еще парочка! Презрительные и жестокие, как время... Что им Бася, с ее мелкими страстишками и ничтожными проблемами!

Совсем не то – грифоны. Они добрые, и с ними можно разговаривать. Можно даже желание загадать, и они обязательно его исполнят.

Бася обняла ледяного грифона за морду и попросила его устроить чудесным грифоньим образом так, чтобы Новый год она все-таки встретила с любимым мужчиной.

Луна плыла над городом, гороскопы были составлены, грифон и кое-кто еще услышал ее желание, и бедная Бася даже предположить не могла, что произойдет дальше и какие водовороты страстей ее закрутят...

Глава 3

Протекающая крыша

Пробуждение оказалось мучительным... Бася застонала – голова раскалывалась, на душе скребли тридцать три кошки самой черной масти.

Не вставая с кровати, она потянулась за сигаретами и позволила себе такое свинство, как курение в постели.

Черт, неужели все, что было вчера, – правда? Разрыв с Эдом, рыдания на набережной, раздумья, как лучше продолбить в Неве лед, чтобы похоронить себя в реке вместе с несбывшимися женскими ожиданиями?

М-да, заснуть бы опять, и чтобы вчерашний день оказался только сном... А в реальности – вечер с Эдом и планы относительно новогодней ночи...

Однако даже если Бася не просто заснет, а, скажем, впадет в кому, реальность не изменить.

«Он тебя бросил», – снова застучало в голове.

Вчера она вернулась домой уже к полуночи и решила с горя выпить. Наполнила ванну, зажгла свечи, а потом сидела в пене, пила вино и редела. Жизнь кончена, бабоньки, кончена, потому что этот первостатейный подлец и распоследняя гадина Эд ее бросил! А как ей, скажите, жить без этого подлеца?

В итоге заснула Бася прямо в ванне.

Проснулась среди ночи в остывшей воде, холодная и несчастная, как замороженная курица. Еле доплелась до спальни и забылась сном в обнимку с кошками.

Теперь, значит, с добрым утром! Добро пожаловать в новую жизнь брошенной женщины!

В чем теперь искать смысл, если прежде она видела его лишь в их с Эдом любви?

Бася честно попыталась найти точку сборки и выступить в роли психотерапевта для самой себя (в конце концов, на что ей природный оптимизм и жизнелюбие?). Было очевидно, что придется перерисовывать плюсы в минусы.

Ну да, Эд ее бросил, зато теперь у нее куча свободного времени! И его можно потратить на работу! Какой удивительный роман она сможет теперь написать!

Впереди маячила Нобелевская премия, или на худой конец будем признательны и за Букера. Вот теперь и начнется настоящая работа, о которой она забыла, закрутив роман с Эдом. Влюбившись, она действительно стала писать меньше, а недовольным издателям со смехом повторяла чью-то умную фразу: «Я много раз собирался заняться метафизикой, но каждый раз меня останавливало счастье!» Басино счастье было таким всепоглощающим, что вытеснило из ее жизни все прочее.

Ну вот, теперь счастья больше нет! Оно испарилось, улетучилось, или Эд прихлопнул его рукой, как назойливую муху! Зато теперь самое время заняться метафизикой и напи-

сать роман, который перевернет чью-то жизнь...

Она призадумалась... С другой стороны – зачем ей переворачивать чьи-то жизни, если она не может обустроить свою?

Нет, эти постыдные жалкие мысли – лишь проявление слабости, их надо гнать от себя! У нее впереди целая вечность свободного времени, какое счастье!

Бася представила эту целую вечность свободного, никем не омраченного времени и залилась слезами.

Проплакавшись, она заставила себя выпить крепкий кофе и уселась за компьютер. В конце концов, граф в ее романе так и остался неубитым, надо бы закончить сегодня хотя бы эту главу.

Однако сосредоточиться на творчестве не получалось. Фразы выходили рублеными, как из-под топора, а в голове свистел ветер.

В общем, сегодня с творчеством ну вообще никак. Бася сама себе казалась полной дурой – вот уже час бьется над одной-единственной фразой, не в силах выстроить ее хоть сколь-нибудь изящно. И то не так, и это не этак. М-да, бывают и у мастеров слова такие э... провалы.

Эх, нелегка ты, судьба писательская!

Мало того что Басю бросил любовник, так она еще и как писатель полное ничтожество! «Бездарность!» – вынесла она себе приговор и поняла, что сейчас опять разревется.

И в этот самый неподходящий момент позвонил издатель

Павловский.

– Я понимаю, ты у нас прима и все такое, но наглеть тоже не надо! – с места в карьер взял он. – Где новый роман? Дорогуша, все сроки вышли!

– У меня драма! – пожаловалась Бася.

Павловский позволил себе быть жестким и заявил, что ее личные драмы к делу, как говорится, не пришьешь, и читателей это не волнует. Они хотят новых романов со страстями и лихо закрученными сюжетами.

– Ты злой! – угрюмо констатировала Бася.

– Я бизнесмен, детка, – отрезал Павловский. – Короче, срок тебе до конца января. Потом не обижайся! Расторгну контракт, и будешь платить неустойку! С наступающим!

Ну вот, еще этого не хватало для полноты ощущений! А что, если она так и не сумеет собраться и закончить роман в указанные сроки? Или того хуже – вообще никогда больше не сможет писать? Уйдет в переживания, депрессуха затянет в болотную трясиину, и все – привет!

Бася включила свою любимую Сезарию Эвору и, погружаясь в клубы сигаретного дыма, принялась слушать затертый до дыр диск с ее песнями.

В песнях старушки Эворы были слезы, любовь на разрыв, дружба без компромиссов, тоска по чему-то утраченному, самые светлые надежды и боль женщины, которая знает мужское предательство. В общем, в них было все.

Бася всхлипывала – ей было отчаянно жалко себя. Ну по-

чему он с ней так обошелся? Бросил ее, такую красивую и талантливую! Наплел с три короба про свободу и независимость, прикинулся тонким, глубоко чувствующим, а на самом деле его слова – просто отмазка. Скорее всего, увлекся какой-нибудь новой киношной шлюхой, а ее побоку! Хотя, может, вернулся к жене?

А не все ли равно тебе, дорогая Барбара, в чем причина, когда следствие вот оно – беспощадно и непоправимо? У вас теперь разные пути и разные жизни! Ничего с этим не поделать, и никак этот роман не переписать. Смирись, гордая женщина!

«Знаю, как тебе больно, – вторила ее мыслям Эвора, – а жизнь и состоит из боли...»

На невыносимо прекрасной «Бессаме мучо» раздался звонок.

– Где Сонька? – проскрипел Чувалов.

– Слушай, оставь меня в покое! – попросила Бася.

– И не надейся! Пока эту суку не найду и мозги ей не вправлю, покоя никому не будет! – честно пообещал Чувалов.

– Сволочи вы, – грустно подытожила Бася.

– Кто – мы?

– Вы, мужики! Запредельные сволочи! Судьболомы! Претте, как танки, по нашим хрупким девичьим судьбам!

– Ха! А вы, женщины, вообще враги рода человеческого! Одни пакости от вас!

– Тогда объясни мне, зачем ты ищешь Соню? Ну ушла она от тебя – и хорошо! Одним врагом меньше! Живи себе и радуйся! Или вон в голубцы подайся! Будешь любить мужчин!

– Ты что?! – искренне возмутился Чувалов. – Я натурал, в натуре!

– Влачи свой жизненный путь в одиночестве или поищи другие варианты! Так ведь нет, ты зачем-то непременно хочешь ее вернуть!

– Любовь! – вздохнул Чувалов. – А с ней хрен что поймаешь!

– Ну, это точно, – согласилась Бася. – С этим спорить не буду.

– Человеку надо, чтобы его кто-то любил! Любому человеку! – Голос Чувалова неожиданно прозвучал проникновенно и нежно.

– Надо! Но так не всегда получается! – кивнула Бася, думая о своем.

– Ага! Вот потому найду ее и первым делом оторву ей башку! – сказал Чувалов своим обычным голосом.

– Ладно, Чувалов, бай! И будь человеком, Сема, богом прошу, ну не звони мне больше!

Бася отключила телефон и снова задымила под Эвору. Вот женщина – невиданного масштаба! Говорят, она одна целый остров кормит! В том смысле, что бюджет ее родного острова целиком оплачивается всемирной славой Сезарии.

Ах, как поет – все-все на свете знает. И наверняка была не

однажды брошена каким-нибудь знойным островитянином и так же хотела утопиться – не в Неве, так в каком-нибудь водоеме, или что там у них.

* * *

В дверь позвонили. Соню, что ли, принесла нелегкая? Бася накинула халат и отправилась открывать дверь.

– Вам телеграмма! – сообщила с порога женщина пожилого возраста.

– Телеграмма? – изумленно переспросила Бася. – Ей казалось, что такой вид коммуникации, как телеграф, давно стал архаичным и ушел в небытие. Можно же позвонить или отправить электронное письмо. Дичь какая-то...

Бася даже брать эту телеграмму не хотела, но женщина ей настойчиво ее всучила и попросила расписаться.

– Но от кого?

– А я почему знаю? – очень советским «почтовым» голосом буркнула почтальонка и удалилась восвояси.

Бася раскрыла телеграмму. Смысл прочитанного до нее дошел не сразу: «Пиастры, пролаял попугай!»

«Какой попугай, чего он там пролаял, – охнула Бася. – Форменное безобразие! Чей-то нелепый розыгрыш? Типа, шутка такая?»

Почему-то было совсем не смешно, а очень обидно. Телеграмма с лающим попугаем окончательно выбила ее из ко-

леи. Она сидит и благородно предается страданиям под песни Эворы, никому не мешая и никого не трогая, а над ней кто-то потешается, телеграммы дурацкие шлет! Телеграмма, кстати, без подписи. Только номер почтового отделения стоит! Да чтоб у тебя руки отсохли, товарищ аноним!

Господи, ну что ж такое? И главное – за что?

Да еще накануне Нового года! Веселенькие праздники, ничего не скажешь. Но неужели так и сдать без боя? Может, она еще восстанет, как Феникс из пепла? Что советует народный фольклор? Какие есть способы, чтобы выкинуть из головы любимого мужчину?

Говорят, надо сфокусироваться на плохих воспоминаниях, вспомнить о нем что-нибудь плохое. Ха, так далеко в прошлое и ходить не придется! Вот, пожалуйста, память сразу услужливо подсказала событие буквально месячной давности.

Бася лежала дома, больная и несчастная, с сильнейшей простудой, ну абсолютно больная, а Эд позвонил и сказал: «Извини, я не могу к тебе приехать! Вдруг у тебя грипп, а это заразная штука. Понимаешь, у меня завтра премьера...»

Это что – достойный поступок? Разве любящий мужчина испугался бы гриппа или хоть даже чего похуже? Люди ради любви жизнью рискуют, а этот...

Вот тогда и надо было его послать ко всем чертям, ясно же было – гнилой тип, гнилой! Так нет, она, дура, давай ему оправдания искать. И нашла ведь!

Еще одно «приятное» воспоминание. Как-то пришла к нему за кулисы без предупреждения – а у него там девка модельной внешности трется. Сидит, ноги в три версты одну на другую закинула, деловая такая – типа, пришла поговорить с любимым артистом об искусстве. Эд Басю увидел, засуетился и девку быстро вытолкал. А не приди она вовремя, то что? Остается только догадываться... А сколько раз странные эсэмэс самого гнусного содержания ему посылали! При чем Бася спрашивала, пылая праведным гневом, мол, от кого, а он, потупившись: «Дак от жены, от нее, законной!»

И пойди проверь – на самом деле от жены или совсем даже не от жены!

Да, конечно, он ей изменял – что тут сомневаться, тем более столько соблазнов вокруг!

Ага, теплее, уже теплее, вспоминаем плохое дальше!

А жлобство его, вошедшее в историю? Эд – ужасная жабба, всем известно. Он же ей нормальных подарков не дарил, если подумать. Ну там парфюмы, цветы – это не считается. А серьезных даров волхвов не было. Конечно, она и сама не нищая, в содержанки никогда не метила, но все же обидно... Не корысти ради, а токмо подтверждения любви для. А он решительно ничем ее не подтверждал.

Вот, скажем, Чувалов: валенок валенком, но ведь засыпал Соню подношениями! На жемчугах не экономил, машину подарил из очень недешевых, квартиру ей прикупил на Крестовском.

А Бася что? Ездит на своей честно заработанной машине, живет в родительской квартире... Так что Эд выезжал на одних парфюмах. А между прочим, человек не бедный, гоночары получает немаленькие, мог бы и раскошелиться!

Ну а что ему еще, скажем, записать в послужной список? Что-нибудь положительное для разнообразия! Может быть, какие-то особенные мужские достоинства? Необычайную сексуальность? Мастерство в амурных делах?

Ну было ей с ним в постели хорошо. Ну ладно, очень хорошо, божественно хорошо первые два месяца, а потом то, се... Эд стал приходить на свидания усталым (он много снимался в то время), и стало все как у нормальных людей. Раз ничего не было, никакого секса – «давай просто поговорим», два – ничего... Бася не роптала, чтобы упрекнуть любовника – ну что вы, ни-ни...

Потом наладилось все. Опять стали буржуазными и невоздержанными, но тем не менее сказать, что Эд наделен какой-то особенной сексуальной мощью, она не может. Да, внешность героя и сложен божественно, но любовники небось и получше бывают.

Ну-с, что ему еще в зачетку? Самовлюбленный, эгоцентричный тип, с которым решительно не о чем поговорить! Его же, кроме ролей, ничего не интересует. Вот хоть раз он поинтересовался, как живет Бася, чем живет Бася? Нет!

Да ладно любовь, но ведь он даже никакого уважения к ней не испытывал... К ее творчеству относился весьма снис-

ходительно.

Допустим, она и сама не слишком серьезно к нему относится, слава богу, мании величия у нее пока что нет, но любовник мог бы относиться к тому, что она делает, иначе, тем более что получил немалый гонорар, снимаясь в фильме по ее, подчеркнем, сценарию. И вообще на ней зарабатывает целая куча людей в издательстве!

Она, конечно, не Эвора – остров не прокормит, но все-таки...

А он ей запросто мог сказать, этак с пренебрежением:

– Вот ты все пишешь, пишешь... А когда наконец мы (зачем-то это дурацкое «мы» ввернул) дождемся от тебя чего-нибудь значительного?

Бася в ответ угрюмо: мол, осмелюсь спросить, вы о чем?

– Ну когда ты выдашь какую-нибудь нетленку?

– Нетленка, нетленка! Для начала объясни мне, что это такое!

– Ну, – задумался Эдуард, – например, Маркес, «Сто лет одиночества».

М-да! Разве любящий мужчина будет Маркесом глаза колоть, намекая на несопоставимость масштабов?

Вот именно! Между прочим, в народе говорят, что надо избегать людей, которые лишают нас веры в себя, а Эд явно пытался ее этой веры лишить. И вообще если посчитать и все припомнить, то плохого, может, даже больше, чем хорошего, наберется!

Как ни крути, а Эд в качестве любовника – дурной вариант.

Она с ним как тот зайчик в анекдоте, который дерьмо и понюхал, и на вкус попробовал, осталось только еще наступить.

И вот получается форменный казус, и без этого дерьма она жить ну никак не может! Болезнь, что ли? Наваждение?

* * *

Опять дверной звонок.

На пороге возникла уже знакомая тетка-почтальонка.

– Снова здрасте! – не слишком доброжелательно отозвалась Бася.

Но тетку советской закалки не проймешь – тычет своей телеграммой.

Бася хватъ – и прочла быстренько.

Послание и на сей раз поражало воображение: «Балканы беременны войной!»

И все. Без разъяснений.

– Вы что мне носите? – едва не рыдая, спросила Бася.

Тетка зыркнула с вызовом:

– Что не так, женщина?

«Женщина!» Самой лет шестьдесят в обед!

– Что вы мне за ерунду носите?

– Что посылают, то и носим! – с вызовом ответила почто-

вый работник.

– Так вот, не носите больше! Не возьму!

– Не орите, гражданка! – строго одернула ее тетка. – Много вас таких орущих, никаких нервов с вами не хватит! – И ушла.

Бася осталась в полном замешательстве.

«Балканы беременны войной!» Каково? Видать, совсем решили ее доконать.

Она закурила и погладила кошку, чтобы снять стресс, – не помогло. С такими тотальными уродами никаких сигарет и кошек не хватит!

Она представила Эда, его приторно-красивое лицо и яростно затушила окурок. Вот так! Кончено. Жирная точка.

А ему, наверное, глубоко плевать на ее страдания. Небось новой дуре вешает на уши романтический бред, произносит монологи из заученных ролей! Жалкий, ничтожный лицемер, повторяющий слова любви в бесчисленных фильмах, как попугай, зазубривший три слова. На самом деле он понятия не имеет о любви! И страдал в этой жизни, наверное, только от мигрени!

Это она знает, что такое любовные страдания! Это она сидит с сорванной крышей, в которую хлещут дожди и ветра!

Бася всхлипнула, однако разреветься не получилось – похоже, выревела весь годовой лимит. От сигарет уже тошнило. Алкоголь тоже не казался утешением. В общем, Бася серьезно задумалась о спасении души.

В этих невеселых раздумьях прошло три дня, а утром двадцать восьмого декабря она задумалась: поехать, что ли, к стилисту, поменять голову, соорудить что-нибудь новенькое, вдруг поможет, крышу поправит?

Иначе она совсем закиснет...

* * *

Как известно, жизнь женщины полна предательств и разочарований, до тех пор пока однажды она не встретит своего парикмахера. Басе повезло – она встретила. Со стилистом Мариной у них полное взаимопонимание.

Вот и сегодня, увидев Басю, Марина сразу спросила:

– Что-то случилось?

– Разве у меня на лбу написано?

Марина смутилась и перевела разговор:

– Что будем делать?

– Перемен требуют наши сердца! – выдохнула Бася.

Марина понимающе улыбнулась, ага, мол, понятно, мужик бросил, не иначе.

Бася мрачно усмехнулась: «Оно самое!»

– Ну, значит, будем менять голову! – Марина решительно чикнула ножницами.

– Причем радикально! – подхватила Бася. – А давай, – она на минуту задумалась и вдруг решила: – Огненно-рыжий! Как «Пятый элемент»! Менять так менять! И голову,

и жизнь!

– Ты точно решила? Так радикально...

– Приступай без лишних рассуждений! – отрезала Бася.

– Ну ладно, – вздохнула Марина. – Как скажешь, не плачь потом...

Через два часа Бася получила «новую голову», взглянула в зеркало и остолбенела – довольно необычные ощущения: на нее смотрела апельсиново-яркая девица с короткой стрижкой. В комплекте с голубыми глазами вроде выглядело неплохо.

Минусы – Басин гламур явно ушел в минус. Вот просто весь вышел. Плюс – она потеряла где-то лет десять. Молодилось – это факт.

Бася быстро оценила минусы и плюсы, но так и не поняла, в чью пользу счет. Похоже, с жадной перемен она погорячилась...

– Ну? – нервно спросила Марина. – Не убьешь?

– Живи пока! – рассмеялась Бася. – Как ты думаешь, какая жизнь может быть у женщины с такой головой?

– Яркая, – робко предположила Марина.

И Бася устремилась навстречу новой яркой жизни...

* * *

Сев в машину, она задумалась: куда податься одинокой женщине? Домой возвращаться не хотелось. Может, шопинг

в качестве верного средства для снятия стресса? Собиралась же она на днях купить вечернее платье к Новому году! Конечно, платье представляло ценность именно потому, что в праздничный вечер его должен был увидеть Эд, а теперь, когда намечается Новый год в одиночестве и слезы под елкой, необходимость в нем вроде отпала. Хотя почему, собственно? Плакать в одиночестве – так хоть красивой! Вот пойдет сейчас – и купит платье! Будет несчастная, но красивая!

В дорогом бутике Бася перемерила несколько нарядов и наконец остановилась на очень изысканном платье от известного дизайнера. «К нему отлично подойдет нитка любимого жемчуга», – с удовлетворением отметила она.

В таком платье будет, пожалуй, приятнее заходить в рыданиях новогодним вечером! Платье правильное – выгодно подает ее и облегает, будто обнимает, не выпячивая, а подчеркивая то, что хочется подчеркнуть!

Вот не сдаст она рукопись в январе, и закончатся брендовые шмотки от Армани! Придется ходить в изделиях фабрики «Славяночка», бывшая «Большевичка».

– Ваш мужчина будет поражен! – зачем-то сказала идиотка-продащица, упаковывая наряд.

«Какая грубая дешевая лесть, – сморщилась Бася, – уволить бы тебя, милочка, за такой сервис. Ладно, прощаю...»

Она притормозила неподалеку от дома и зашла в ресторан пообедать. Есть, впрочем, не хотелось, даже любимые фруктовые пирожные не радовали.

Она сидела у окна, разглядывая проспект, украшенный к празднику.

Шел снег. Почему-то вспомнилось, как в этом самом ресторане они когда-то ужинали с Эдом, и в чашку с кофе упала слеза...

* * *

В парадном Бася вытащила из почтового ящика конверт. Адрес отправителя не значился.

Бася задумалась – открывать или нет? Кто его знает, вдруг какая-нибудь вражина применила бактериологическое оружие? Бася, значит, хватить лапкой листок, а его заботливо обработали спорами чумы или еще какой-нибудь пакости. Рассылали же в Америке подобные «письма счастья»!

После минутного раздумья она махнула рукой на безопасность – один черт, жизнь не радуется – и разорвала конверт.

В письме оказался вырванный из какого-то журнала листок с Басиной фотографией. Соль была в том, что на снимке кто-то выколол ей глаза. Аккуратненько так продырявил, иголкой, наверное.

Больше в конверте ничего не оказалось.

Послание изрядно опечалило Басю. Неприятно. Очень даже неприятно. Мысли нехорошие сразу возникли: мол, а что будет завтра? Вымажут ей дверь дерьмом?!

Еще с порога она услышала, как заливается телефон. Пря-

мо в сапогах побежала к аппарату и, запыхавшись, схватила трубку.

– Ха-ха, – гнусно рассмеялся хорошо знакомый металлический голос. – Ну как ты там?

– Слушай, оставь меня в покое!

– Ага! Нервничаешь! – обрадовался голос.

– Это ты мне всякую гадость посылаешь?

– погоди, то ли еще будет! Ты это... По улицам ходи осторожно!

– А то что?

– Не ровен час – плеснут серной кислотой в рожу!

Смешок, и короткие гудки...

Что делать? Поменять телефон? Заявить в милицию, пусть вычислят этого доморощенного маньяка? Сейчас у нее и сил нет куда-то звонить, заявлять, заниматься этим...

Странно все-таки – вот живешь, ничего плохого никому не делаешь, не так чтобы строго следуешь христианским заповедям, но точно не подливаешь, не ворует, а при этом тебя все равно кто-то ненавидит!

«Хотя так ли ты безгрешна? – остановила саму себя Бася. – Прелюбодействовала, матушка, имеешь грех... Но неужели за невинные женские слабости так уж сразу нужно наказывать серной кислотой в морду? Сурово и несправедливо!»

А тварь своего, между прочим, добила – настроение, которое Бася так отчаянно пыталась поднять, стремительно

ухудшалось, как говорят в физике, стремилось к нулю.

Прошрое разбито неверным любовником, в настоящем – протекающая крыша, а будущее пугает своей неопределенностью и мрачными перспективами!

Кстати, о будущем и мрачных перспективах. А не пойти ли к оракулу? Попытать о будущем, разогнать туман, прояснить разные непонятности?

Тем более что далеко ходить не придется. Персональная гадалка имеется, можно сказать, прямо под боком – в соседней квартире.

Глава 4

Дышите глубже, вы взволнованы!

В старом доме на Мойке, где проживала Барбара, на лестничной клетке располагались две квартиры – Басина и профессора психиатрии Павла Петровича Дубровского. С ним проживали внук Павел и дальняя родственница Наина, дама весьма средних лет и весомых достоинств, как в смысле габаритов, так и широты души. Не имея собственной семьи, Наина опекала профессора, а заодно Павлика и вела домашнее хозяйство Дубровских, поскольку после смерти супруги профессор остался один.

В прошлом Наина была швеей, и, видимо, довольно успешной, поскольку и сейчас к ней обращались старые клиентки, однако главный ее талант составляло умение гадать на картах.

К услугам Наины Бася обращалась неоднократно и убедилась, что многие предсказания на самом деле сбывались, то есть врал Наина примерно через раз.

Например, в свое время она предупредила Басю, что ее связь с профессорским внуком плохо закончится: «Баська, шельма ты этакая, и карты бросать не надо, чтобы понять – не к добру ты с мальчишкой закрутила... Поиграешь и брошишь, а ему страдать!» И вот надо же – так и вышло.

И про Эда Наина предупреждала: «Из-за этого брюнета

тебе плакать придется!» И вот, пожалуйста, плачет, прямо заливается! Как в воду тетка глядела!

Увидев Басю, Наина охнула:

– Это что, теперь так носят?

Басина новая апельсиновая голова явно произвела на Наину впечатление.

– Нравится?

Бася кокетливо пригладила волосы.

– Экстравагантно! – фыркнула большая, грузная Наина и прищурила черные, всегда насмешливые глаза.

– Кстати, где Павлик? – поинтересовалась Бася.

Встречаться с бывшим любовником ей решительно не хотелось – мальчишеские слезы и попытки разбудить в ней былые чувства сидели у нее в печенках.

Наина понимающе кивнула:

– Избегаешь его?

Бася сморщилась: мол, что за чушь! Ничего не избегаю, просто спросила. Наина усмехнулась: дескать, знаю я тебя как облупленную!

– Ладно, проходи смело, Павлика нет дома!

Бася вздохнула с облегчением: встречаясь с Павликом, она чувствовала душевные муки палача при встрече с жертвой – не самые приятные ощущения!

Квартира Дубровских, как и Басина, была большой: четыре комнаты на ста метрах. Но если Бася сделала серьезный ремонт, и ее сто метров стали очень современными, то

в квартире профессора время, кажется, остановилось. Там только что слоников и комодов не хватало. Крепкий ретро-стиль с дубовыми буфетами, диванные подушечки, расшитые покойной женой Дубровского, старинные фотографии на стенах, накрахмаленные скатерти: войдешь – и вроде не двадцать первый век на дворе.

Бася любила бывать у Дубровских. Наина казалась ей весьма колоритным персонажем, к тому же с ней можно было поговорить обо всем на свете.

Бася пила фирменный Наинин чай на травах и рассказывала о своих бедах. Узнав, что Бася рассталась с Эдуардом, Наина лишь пожала плечами: «Я тебе говорила, что там любить нечего».

– А почему нечего?

– Потому. Не твой человек, и все!

– А где он – мой человек? – едва не всхлипнула Бася.

– Не переживай, и на тебя найдутся желающие. А про актеришку сразу было понятно! Да и то сказать – что с актером может быть серьезного?

– А коммивояжер – это серьезно? – расхохоталась Бася.

– Зря иронизируешь! Советую впредь искать любовников другой профессии!

– Можешь быть спокойна – с актерами покончено! Погадай мне, что ли, чернявая... Позолочу ручку!

Наина достала колоду карт и разложила на круглом столе. Вглядываясь в причудливые сплетения Басиной судьбы, она

вдруг всплеснула руками:

– Ну, наверчено! Чистый Шекспир!

– Что, что такое? – сильно разволновалась Бася.

– Да вот есть какая-то дама, которая тебе зла желает!

– Ну, точно, это баба! Я так и думала! – обрадовалась

Бася. – Ты понимаешь, какая-то сволочь мне строит всякие козни и пакости! Звонит, говорит, чтобы я, значит, сдохла, потом вот телеграммы дурацкие стали приходить, про попугаев и Балканы. Что за ерунда такая? Точно бабские штучки! Меня преследует какая-то сумасшедшая маньячка! Главное, я не понимаю за что!

– А чему ты удивляешься? Ведешь такой образ жизни, пишешь откровенную чушь, вот и притягиваешь всяких больных!

– Ну уж и чушь! – Бася было подумала обидеться.

– Форменную чушь, – фыркнула Наина. – Видела я тут твой фильм «Грезы любви», ну чисто сахарный сироп, рахат-лукум! После него даже хотелось рот прополоскать!

– Да это режиссер-идиот все опошил! На самом-то деле книга куда масштабнее! И написана не о том!

Но спорить с Наиной было решительно невозможно.

– Ерунду пишешь! А писать надо жизненно! Вот раньше какие книги были?

– Ну ладно, перестань! Мне уже один тыкал Маркесом в глаза. Пишу как умею! Давай дальше смотри, чего там, помимо злодейки?

– Да тут у тебя много всего намешано! Трагическая любовь молодого человека... А его какая-то дивчина любит, прямо сохнет по нему!

– Павлик, что ли? – виновато вздохнула Бася.

– Кстати, я про Павлика хочу с тобой поговорить, – строго сказала Наина, отложив карты. – Зачем ты мальчику голову морочишь?

– Ты же знаешь, я давно ему сказала, что между нами нет ничего и быть не может! Ой, ну что ты так смотришь на меня? Как будто укоряешь...

– Вот именно! – Наина поджала губы.

– Ну представь, я была одинока, а тут весна, солнце, все влюбленные ходят, мне, как назло, не пишется вообще, блин, тридцать два года исполнилось, я еще подумала – ну все, старушка! А тут появился Павлик. Юный, трепетный... Глаза горят... И красивый. Ну, ты же понимаешь...

– Нет, не понимаю! – отрезала Наина.

Не понимает она! Ну и как объяснить этой старой корове, что значит «буйство глаз и половодье чувств»?

Вот же сказала: весна, солнце, и так муторно было на душе, что просто умереть хотелось, поскольку уж очень ясно ощущалось, что эта весна и солнце не имеют к ней никакого отношения. А тут нарисовался Павлик, сам такой весенний и солнечный, что ей захотелось приобщиться, так сказать, к прекрасному и юному, что сулило вдохновение. Вот.

Ну и случай приобщиться как раз представился – у Дуб-

ровских появился новый жилец, Павлик, внук Павла Петровича, и однажды, в день чудесный весенний, он зашел к ней в гости. Они поговорили о книгах, выпили чаю, прогулялись по городу, и все как-то само собой закрутилось. Между прочим, Бася была честна с мальчиком: сразу сказала, что на серьезные чувства не подписывается – слишком у них большая разница в возрасте. «Прости за цинизм, малыш! Просто получай удовольствие!» Ей самой эта связь дарила радость, помогла снова почувствовать себя женщиной и даже зарядила энергией на новый роман.

И все было хорошо и мило до тех пор, пока Павлик не начал чудить. Вбил себе в голову какие-то очевидно нелепые мысли, что она принадлежит ему и он имеет на нее права. Начал диктовать условия, спрашивать: «Какого черта ты так надолго задержалась, где и с кем?» – и нести тому подобную дичь, которую Бася никак не могла вынести.

Сначала она вполне деликатно ему сказала: мол, притормози, малыш, здесь горит красный, не нарушай правила, но потом, видя, что товарищ прет мимо всяких правил, поняла: это сигнал, пора ставить точку. Однако легко сказать – «закончить отношения». А как сделать это так, чтобы не уязвить юное трепетное сердце?

Не людоед же она из сказки, который обижает маленьких детей?

В общем, она долго собиралась с духом и наконец предельно тактично и нежно сообщила, что им нужно расстать-

ся. Нет, конечно, ей было очень жаль мальчика, но что делать? Лучше сразу отсечь, честно и жестко признать, что будущего у них нет. Правда, она и представить не могла, что он воспримет это столь болезненно. А еще говорят, что нынешние молодые люди бесчувственные. Ничего себе, бесчувственные! Мальчишка оказался таким чувствительным! Сначала, конечно, бросил ей в лицо, что вообще ее не любил, а только использовал. Она, кстати, ничуть не обиделась и даже обрадовалась – раз так, то и проблем меньше, не надо заморачиваться насчет всяких там угрызений совести. Но он пришел на следующий день, предложил все забыть и «начать сначала»: «Пожалуйста, любимая, я не могу без тебя».

Бася терпеливо, как доктор пациенту, снова объяснила, что «никак невозможно». Тогда Павлик попытался поиграть в «Кармен», объявил, что убьет и ее, и соперника.

Бася расхохоталась – это было правда очень смешно. Павлик разрыдался и ушел, а потом стал приходить каждый день и падать ей в ноги. Лучше бы зарезал – ей-богу. Все, что угодно, только не это мучительное чувство вины и осознание себя распоследней дрянью... Нет, с мальцами она больше иметь дела никогда не будет... Исключаем также актеров. Да здравствуют зрелые мужчины приземленных, brutальных профессий!

От райдера с требованиями к будущему френду ее отвлекла Наина, которая грозным, беспощадным голосом подвела черту под историей Басиных отношений с Павликом:

– Соблазнила, задурила голову и выкинула на помойку!

Бася сконфузилась:

– Зачем так грубо?

– А ты заслужила! Вот скажи, на кой черт ты его обольстила?

– Ой, ну как объяснить... – Бася вздохнула. – Он пришел ко мне... Чаю выпить... Потом я его взяла с собой на фестиваль – не идти же одной, потом как-то попросила сходить со мной в ресторан, ну и переспала с ним. Наина, не смотри на меня так, будто я падшая женщина и стерва!

– Падшая женщина и стерва! – отчеканила Наина.

– А ты ханжа! Что плохого в том, что первый любовный опыт мальчик получил со взрослой роскошной женщиной!

– Ты, что ли, роскошная? Курица драная! Посмотри на свою прическу! – хмыкнула Наина.

– Ты злая! Обвиняешь меня, а я, между прочим, была искренна в своих чувствах! И это были именно чувства!

– Распутство, и ничего более! Вскружила пацану голову, а теперь в кусты!

– Ладно, ладно, сама каюсь, – улынулась Бася. – Чего теперь делать-то?

– Грехи замаливать! Мальчишка совсем голову потерял. Все твоими старушечьими прелестями грезит!

– Ну уж и старушечьими! – фыркнула Бася. – Не дерзи! И вообще – от старой карги слышу!

– Зоя-то твоя прямо сохнет по нему. Такая хорошая де-

вочка, как раз ему подходит!

– Кстати, я тоже об этом думала! – обрадовалась Бася. – Я очень даже за!

– Но он ни о ком, кроме тебя, и слышать не хочет! Крепко задурила парню голову! Как бы их с Зоей гм... развернуть друг к другу?

– Может, сыпануть чего? Ты же умеешь всякие привороты делать?

– Нет, не хочу так, – замахала руками Наина. – Не богоугодное дело. Пусть все развивается естественным образом.

Бася пожала плечами:

– Пусть... Ладно, ты давай дальше гадай! Что там еще?

Наина взгляделась в карты и расхохоталась:

– Ага, смотри-ка, скоро на твоём горизонте появится другой мужчина! И это будет такая любовь!

Бася недоверчиво прищурилась:

– Ну уж это вряд ли.

– Не веришь? Еще скажи, что не хочешь этого!

– Вот уж не знаю. Не задумывалась. Мне бы для начала Эда забыть! А потом, не верю я в подобные дары судьбы! Я, может быть, теперь в любовь вообще не верю! Вот есть, скажем, любовь к Родине или родительская любовь, а любви мужчины и женщины не существует!

– Как не существует?

– Так! Ее придумали. Она всего лишь иллюзия, миф, сказочка про белого бычка!

– Чего ж ты людям голову дурила? Книжонки-то твои все про любовь!

– Так я сама в нее верила! А теперь всё – дудки! Разуверилась! И писать про это больше не буду! Перейду на детективы!

Наина пожала плечами:

– Молодая ты еще, чтобы с концами разувериться! Ишь, придумала – любви нет!

* * *

В комнату заглянул хозяин дома, Павел Петрович Дубровский. Бася расплылась в непритворной улыбке – она всегда питала к старику исключительно нежные чувства.

Павлу Петровичу было около семидесяти, хотя выглядел он лет на десять моложе – крепкий, поджарый, с отличной выправкой. Сейчас таких людей и не делают. Смотришь – в сорок лет уже расплывшиеся какие-то, сутулые, разболтанные. А Павел Петрович старой закалки человек, одет всегда исключительно опрятно, не без элегантности.

Бася полагала, основываясь на женской интуиции, что в молодости Павел Петрович был записным красавцем и женские сердца покорял бессчетно. Конечно, в свободное от работы время, ибо на своей работе Павел Петрович, профессор, известный авторитет в области медицины, был совершенно (нет, ну нельзя о профессоре психиатрии сказать «по-

мешан») сосредоточен.

– Здравствуйте, девоньки!

– Вот, батюшка, полюбуйся! – хмыкнула Наина. – Посмотри на эту дурищу!

– В чем дело?

– Во-первых, башка оранжевая, как мандаринка, – хмыкнула Наина.

Павел Петрович рассмотрел Басю со всех сторон и вынес вердикт:

– А по-моему, очень славно! Свежо как-то, оригинально.

– Угу, – усмехнулась Наина. – В твоей больничке много таких свеженьких, наверное, курс лечения проходит.

– Злая тетка! – вспыхнула Бася.

– Но башка – это еще полдела! – невозмутимо продолжала Наина. – Главное, что у нее в башке.

– А что? – заинтересовался Павел Петрович, специалист в области психиатрии, то есть в аккурат в том, что «в башке».

– Она, понимаете ли, в любовь не верит!

– Ну? – укоризненно покачал головой Павел Петрович, как будто ему сообщили, что Бася, скажем, предала родину. – Что же вы так, детка? Ай-ай-ай! В ваши-то юные, нежные годы!

Бася зарделась: ну уж и юные, скажете тоже! А впрочем, с высоты его возраста, наверное, и впрямь между ней и Павликом, в смысле возраста, и разницы нет.

– А еще людям втирает про всякие чувства и страсти-мор-

дасти в своих книжонках! – Наина окончательно заклеила Басю.

– Должно быть, временное разочарование? – подмигнул профессор. – Это пройдет, не печальтесь! У вас вся жизнь впереди! А хотите, я расскажу вам поразительную историю любви? Тем более вы писатель, деточка, вам должно понравиться.

Бася заинтересовалась, забормотала: «А что такое, что такое?» Писателю всегда полезно послушать интересную историю, ведь он в свою литературную копилку все на свете готов тащить, подсматривать, пионерить у других писателей и в итоге выдавать за свое.

Профессор выдержал эффектную паузу и начал:

– Пару лет назад появился у меня довольно странный пациент. Молодой парень, весьма интересный, такой, знаете, славянской красоты. Мы его Есениным прозвали.

– Тот самый, Сергей Александрович? – усмехнулась Бася.

Профессор пожал плечами:

– Все может быть. Во всяком случае, очень похож на того. Светловолосый, голубоглазый, и, главное, в нем было много нежности, переливающейся через край. Прямо в стихи. Да! Главное дело – он стихи писал, и, насколько я понимаю, не бездарные. При этом на челе печать трагедии. Подлинной, заметьте, трагедии.

– Он что же, псих? – спросила Наина.

Профессор достал трубку и закурил. Бася невольно залю-

бывалась – сколько достоинства в каждом жесте!

– Ну что ты говоришь, душенька... Псих! – рассердился Павел Петрович на родственницу. – У нас душеспасительное заведение, в котором проходят лечение пациенты, а психов, заметь, у нас нет! Называть так больных в высшей степени неэтично! В общем, парень этот оказался с не совсем обычной историей. Судите сами – страстно любил женщину, они жили вместе, любовь, чистая поэзия, ну это по вашей части, Барбара. В общем, произошла трагедия – его подружка отправилась в царство теней, разбившись в автокатастрофе. Наш Орфей был безутешен и год спустя после смерти Эвридики как-то ночью отправился на кладбище да и разрыл могилу своей возлюбленной. В общем, домой он вернулся уже не один и жил с ней неделю, может, больше, запершись от всех, пока это не стало известно. Поднялся переполох, ну там, знаете, вызвали милицию, докторов. В общем, его определили в нашу клинику.

– А ее? – спросила потрясенная Бася.

– Вернули на прежнее место обитания, – хмыкнул профессор.

– Так он действительно сошел с ума?

– Скорее временное помутнение рассудка на фоне сильного стресса. А кроме того, как мне кажется, вся штука здесь в другом, и слово здесь нужно другое. – Профессор вздохнул. – Может, вот это – «верность»? Он остался верен своей подруге. Верность... Состояние, когда хочешь бросить вызов

беспощадному времени. Доказать, что есть вещи, над которыми оно не властно. Думаю, так было с королем Португалии Педро.

– С кем? – изумилась Бася.

– Не знаете... А вот Есенин знал историю Инес де Кастро. В каком-то году, кажется, тысяча триста пятидесятом, впрочем, не суть важно, став королем, Педро короновал свою мертвую жену Инес де Кастро, которая была убита за два года до этой невероятной коронации. Взойдя на трон, король извлек тело любимой жены из могилы и приказал признать Инес королевой. Вот такая своеобразная история любви и верности. Наш молодой пациент, от которого я и узнал ее, захотел повторить сей подвиг, взял в руки лопату, ну и...

История трагической любви безумного Есенина и одновременно короля Педро, с его полуистлевшей королевой, произвела на Басю неизгладимое впечатление.

– А что с этим Есениным было дальше?

– Мы его вылечили, – усмехнулся профессор. – Стал нормальным здоровым человеком. Выписался. Стихи писать перестал. Работает где-то в банке. И, представьте, женился!

– А надо ли было его... лечить? – даже как-то укоризненно заметила Бася. – Может, он был счастлив в своем безумии, а вы! Душеломы!

– Не знаю, детка... Может, и не надо было, – развел руками профессор. – Так что насчет любви вы горячитесь со всем пылом молодости. Кстати, как-нибудь при случае расскажу

вам еще одну занятную историю.

– Из собственной практики, надо полагать? – ухмыльнулась Наина.

Профессор сдержанно улыбнулся.

– Петрович, а правда, что у тебя была любовь на сто романов, но ты с этой дамой расстался? – не выдержала Наина.

Профессор достал сигарету и закурил.

– Что за дурная привычка – курить в комнате! А еще профессор, уважаемый человек! – заскрипела Наина. – И Пашка от тебя набрался этой дури! Дымит как паровоз! Кстати, Петрович, ты бы поговорил с парнем, что-то с ним неладное творится! Мальчишка сам не свой! Страдает! Потому что некоторые задурили ему голову!

Наина хмуро посмотрела на Барбару.

Павел Петрович сделал вид, что не понимает, о ком идет речь, хотя прекрасно знал, что предметом страданий Павлика была Барбара.

– Страдает? – хмыкнул он. – А ему и положено страдать! Только страдания могут сделать из человека что-нибудь путное, хе-хе... А уж любовные страдания юноше и вовсе необходимы.

– Какие вы бездушные. – Наина укоризненно поджала губы. – Мальчик разрушает себя, а вы говорите, что это ему во благо!

– У человека всегда есть выбор, дорогуша, – улыбнулся Павел Петрович. – Выбор Павлика – разрушать себя. В кон-

це концов, безответная любовь может стать настоящим даром, если уметь его принять и оценить, а может быть чем-то разрушающим... Зачем же парень выбирает второе? Ему повезло – влюбился до одури, это ж удача какая, счастье! А он, чудак, обиделся на весь мир... Капризный, испорченный мальчишка! И почему-то считает, что все ему должны! Ммм... Одна скидка – на возраст. Повзрослеет, перестрадает, глядишь, станет человеком. – Павел Петрович поднялся. – А теперь, барышни, пожалуй, оставлю вас. Прошу извинить – дела.

* * *

– Любовь-любовь, – задумчиво произнесла Бася. – Ну и где найти такую любовь, чтобы потом бежать труп выкапывать? Вот скажи мне, Наина, как наколдовать великое чувство?

Наина хмыкнула:

– Да очень просто! Сейчас придешь домой, возьми лист бумаги и напиши, какого мужчину ты хочешь встретить. Прямо представь, вот по-серьезному представь! Ты же писатель, воображение богатое! И под елку себе этот листочек положи!

– И что, неужели сбудется?

– Не будешь сомневаться – сбудется! Вот и карты тебе сулят встречу века!

«Хорошо, – подумала Бася, – сегодня составлю райдер „Мой избранник“. И честно внесу туда сто обязательных пунктов».

Между тем Наина вернулась к картам, рассказывающим о крутых виражах Басиной судьбы – видимо, таких крутых, что Наина даже присвистнула.

Бася в ужасе схватилась за сердце:

– Не томи, старая карга!

Наина сморщилась:

– Боже! Да ты беременна!

– Что? – заорала Бася, едва не хлопнувшись со стула.

– Что-что! Беременна!

– Этого не может быть!

Наина пожала плечами, мол, тебе виднее, может или не может, но тем не менее насмешливо спросила:

– А что, у тебя с твоим актеришкой совсем ничего не было?

Бася покраснела:

– Почему? Было...

– Ну вот, – хмыкнула Наина. – Чего ж удивляешься? От любви иногда случаются дети! А ты не знала?

Бася с тревогой стала прислушиваться к себе. Беременна? Неужели Эдуард способен и на такую подлость?

Да! Точно! Как она могла забыть – критические дни позавчера не нагрянули! А должны были! Точно, беременна! Какой ужас!

Бася побледнела так, что и Наина заметила.

– Да чего ты пугаешься? Подумаешь! Родишь, давно было пора!

Бася схватилась за голову: «„Родишь!“ Чушь какая!»

Во-первых, она о ребенке никогда и не задумывалась. Ну разве что теоретически допускала возможность материнства, но чтобы на практике подгузники и пеленки – боже упаси!

А во-вторых, рожать от мужчины, который тебя бросил, – сомнительная радость!

– Ой, – всплеснула руками Наина, снова заглянув в карты. – У тебя гость на пороге!

Бася невольно поглядела в сторону входной двери и затравленно сказала:

– Я вроде не жду никого! Но раз так – пойду.

Подбитая и контуженная ошеломительным известием о неожиданной беременности, Бася поплелась к себе в расстроенных, разумеется, чувствах. А на пороге ее действительно ждал гость, вернее, гостя – подруга Соня с большим понтовым чемоданом...

– А я тебя жду! – сообщила Соня.

Вместе с ней Басю ждали большие проблемы...

Глава 5

Интересное сочетание атомов

Увидев подругу, Соня ахнула:

– Офигеть! Что у тебя с башкой?

– Новый имидж!

– Ну, ничего, – пожала плечами Соня, – веселенько так...

Молодит опять же... Баська, а что случилось-то? От хорошей жизни, поди ж, в такой колер не выкрасишься.

– Я тебя сейчас убью! – ласково пообещала Бася.

– Сначала хоть чаем напои...

Бася оглядела подругу: та, как всегда, выглядела сногсшибательно – легкомысленная копна светлых волос, выкрашенных у очень правильного колориста, безупречный ровный загар, глаза голубые, как «неба бездонного синь», антропометрические параметры в модельном исполнении, в смысле, рост и обхваты где надо равняются чему надо. Одета, по обыкновению, ярко и вызывающе. Короче, столичная штучка, или, как она сама себя называет, «модное клубное животное». Понятно, почему Чувалов ее по всему городу ищет! Персик, а не девушка!

Этот персик уже много лет числился единственной и любимой Басиной подругой. Они познакомились еще в институте, который Бася честно окончила, а Соня благополучно смоталась после третьего курса, заявив, что ей институты на

фиг не нужны, ей, слава богу, внешность позволяет и так жить, и вообще не всем же быть такими умными, как Барбара.

Бася, может, и сама не вполне понимала, что их связывает, просто принимала Соню такой, какая она есть, и радовалась.

Соня работала танцовщицей в шоу-балете у новомодного хореографа. Впрочем, о работе она распространяться не любила: «Нормальная работа. Вряд ли я смогла бы заниматься чем-то другим. Таскаться в какую-нибудь тухлую контору каждый день – жуткая скука! Богемная жизнь мне нравится, работенка устраивает, не бог весть что, конечно, но пока потянет!»

Всякий раз, глядя на Соньку, Бася вспоминала анекдот про физика, который, увидев эффектную блондинку, задумчиво произнес: «Надо же, какое интересное сочетание атомов!»

Вот и Бася, видя подругу, думала примерно о том же: «Какое интересное сочетание атомов!»

Губы у Сони, как у Джоли, и есть в ней что-то кошачье: глаза зеленые, раскосые и такая невероятная гибкость, что Бася рядом с ней чувствовала себя неуклюжей. В общем – сплошной сексапил.

От чрезмерного сексапила и легкомыслия Соня постоянно находила на свою голову сомнительные приключения. А с личной жизнью ей катастрофически не везло: у нее был просто какой-то дар отыскивать придурков, которые слетались

на нее, как мухи на мед, при этом ей они казались летчиками, прямо как в старом анекдоте про упыря с крыльями и перепонками.

Басе все время хотелось сказать подруге: «Так это ж упырь, дура!» И иногда она так и делала.

Последний Сонькин хахаль в галерее упырей вообще занял почетное место – Семен Чувалов, блатной авторитет, парень весьма горячего нрава.

В свое время Бася подругу честно предупреждала: «Ты с кем связалась, милая? Глаза разуй! Это ж „ансамбель Бутырка“, и там других песен не жди! Наплачешься потом!»

Но та и слушать не стала – любовь, и все дела!

Как-то в Сониной блондинистой голове атомы неправильно сочетались, отсюда и проблемы.

Оказалось, на сей раз предметом ссоры любовников стал флирт Сони с каким-то афроарабом из подтанцовки.

– Все было безобидно, ну совершенно по-детски, верьте мне, люди! – хлопая глазами, заверила Соня. – Мы же просто коллеги и разговаривали о своем, профессиональном. Понимаешь?

– Понимаю, – хмыкнула Бася.

– Ну вот! А этот гамадрил Чувалов ворвался в мою гримерку, и тут такое началось, просто ужоснах! Афроараб стал белым от страха, представляешь?

– А Чувалов с охраной был?

– Ну! Эти его дебилы – Митя и Витя. Они втроем афро-

араба по всей примерке катали. Тот на следующий день вообще из России уехал к себе в Африку. Дикая страна, говорит, дикие нравы! А потом Чувалов за меня взялся! – Соня всхлипнула.

– Он тебя ударил? – встревожилась Бася.

– Хуже! Сказал, что вообще убьет в следующий раз или ноги переломает! Ну если я еще с кем-нибудь буду разговаривать на э... профессиональные темы!

– А потом что?

Соня сморщилась:

– Потом было еще хуже. Я ему говорю: «Не поеду с тобой, оставь меня, между нами все кончено». Ой, ну он достал меня, реально достал, не могу больше! А он смеется: никуда, говорит, ты от меня не денешься! Я тебя из-под земли достану, ноги переломаяю, моргалы выколю, пасть порву и все в таком роде. И ведь, Баська, правда выколет и порвет! Он, когда в гневе, такой бешеный становится, мама дорогая! А теперь что мне делать? – захныкала Соня, размазывая тушь по щекам.

– Теперь – не знаю! – усмехнулась Бася. – Я тебя предупреждала! Прямо как у Зоценко: «У одной докторши умер муж. Ну, думает, ерунда. Оказывается, не ерунда!»

– Это тут при чем? – поперхнулась Соня.

– Притом! Ты всегда думаешь – ерунда, а оказывается вон как!

Соня потупилась с видом кающейся Магдалины: да, мол,

сознаю, что не в то наступила, но вы-то проявите христианское сострадание к заблудшей душе и поддержите несчастную.

Бася усмехнулась:

– Дура ты, Сонька! Зачем такие любовники вообще нужны? Надо вот чтоб так... – И Бася рассказала историю о португальском короле, выкопавшем из могилы возлюбленную. – Вот это чувства! А ты кого нашла? Урку какого-то, который тебя, наоборот, в могилу закопает!

Соня опять похлопала глазами:

– Да понимаю я... Сама уже поняла, что сглупила. А что теперь делать? Чувалов меня преследует, а ты сама знаешь его возможности! Мне теперь и домой не сунуться, он там засаду устроил, его парни мою квартиру пасут. И чего?

Бася вздохнула:

– У меня пока поживешь. Выделю тебе комнату. На улицу не выходи, сиди дома, считай, что ты под домашним арестом. Авось пронесет, со временем забудет про тебя, какую-нибудь другую идиотку себе найдет.

– Нет, он однолюб! – как будто даже с гордостью проговорила Соня.

– Посмотрим... Сюда он точно прийти не посмеет, хотя... – Бася задумалась, прикинув и оценив свои возможности и Чувалова. Выходило вроде не в ее пользу – за Сониным любовником стояла мощь уголовного мира.

– Ладно, сиди тихо, двери никому не открывай, телефон

отключи.

Только Бася упомянула про телефон, раздался звонок. Звонили на ее городской номер. Соня в ужасе замахала руками – мол, не поднимай трубку.

Тем не менее Бася на звонок ответила.

– Ха-ха-ха! – мерзенько захихикали в трубке. – Еще не сдохла?

С трудом сдерживая ярость, Бася отчеканила:

– А вам очень хочется?

– Да, – честно ответили в трубке. – Очень.

– Ничем не могу помочь. Вам придется подождать лет пятьдесят! – рявкнула Бася и швырнула трубку на рычаг.

– Это он? – завопила Соня. – Уже вычислил, надо же!

– Успокойся! Это по мою душу кто-то сильно беспокоится и, представь себе, даже грозит убить!

Соня вытаращилась:

– Ты что, Барбара? Кому надо тебя убивать?

– А я знаю? Живу себе тихо-спокойно с кошками, и вот на тебе! Убью, говорит, тварь, и все. Без вариантов! Бескомпромиссно и кровожадно!

– Что делать-то будем? – тоскливо спросила Соня.

– Окопы рыть, – фыркнула Бася.

* * *

С окопами пока повременили. Вместо этого расположи-

лись в комнате с чаем, пирожными и кошками прямо на пушистом белом ковре. Фоном звучали песни Эворы.

Под Сезарию Бася принялась повествовать о своих последних злоключениях.

Слушая рассказ подруги (сочный и красочный – как-никак литератор!), Соня закатывала глаза, вставляя «Да ну!», «Да ты что...» и отдельные неприличные междометия.

Ну и наконец Бася добила несчастную сообщением:

– Но вообще-то проблема не в этом! Понимаешь, я беременна, вот какая штука!

– Да ты что? – взвизгнула Соня. С минуту она вглядывалась в подругу, видимо, пытаясь понять, какую реакцию ей следует выдать – радость или сочувствие. По кислой Басиной физиономии, наверное, все-таки было понятно, что бурная радость точно неуместна.

– Поздравляю! – осторожно проговорила Соня.

– Спасибо!

– А от кого?

Бася фыркнула – вопрос был глупым даже для Соньки.

– От святого духа! Ну, от Эда, конечно! Он приложил руку и кое-что еще!

– А он знает?

– Нет. Я сама узнала час назад!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.